

Возвращение

Дмитрий Сергеев

82P

ЭПОХА
Москва, 2006

УДК 82 (571.12)
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
С 32

С 32   **СЕРГЕЕВ Дмитрий Алексеевич**
Возвращение. Сборник стихотворений / Д.А. Сергеев. – М.:
ЭПОХА, 2006. - 208 с.

«Возвращение» - третий по счету поэтический сборник поэта Дмитрия Сергеева, для которого Сургут стал второй после украинского города Ясиноватая (Донецкая область) родиной. Именно Сибирь раскрыла в нем богатый творческий потенциал, наделила настоящим даром образа и слога. Название сборника символично и многозначно. «Возвращение» - это и итог личного полувекового существования на земле, и оценка давних свершений и новых стартов, и возвращение к природным истокам жизни, откуда берут начало все таинства и чудачества души, и метафорически подчеркнутая цикличность событий внешнего и внутреннего миров.

Побывав в Дании, Франции, Норвегии, Швеции и других странах и отразив монументальность, величественность чужой природы и душевную сдержанность «забугорных» народов, Дмитрий Сергеев с трепетом и особой лиричностью повествует о русском характере, сибирской душе - такой же бескрайней, многогранной и неистойой, как географические просторы России. Другие образы, другой язык, другая эстетика и поэтика отличают его стихотворения о Сургуте и жителях, населяющих этот северный край.

Исчезают холодность и строгая «готичность» повествования, когда речь идет о ненцах и ханты (коренном населении Севера) и его незатейливых занятиях, национальных традициях и мерцающих всеми красками спектра роскошных северных закатов и рассветов... Играет полновесными красками жизнь Сибирской земли - мирового центра добычи нефти и газа, житницы многонациональной России.

Книга адресована широкому кругу читателей.

© Сергеев Д.А., 2006
© Кухтерин А.С. (обложка), 2006
© Петрова Я.Ю. (иллюстрации), 2006
© ЭПОХА, 2006

ISBN 5-903330-03-7

Дмитрий Алексеевич СЕРГЕЕВ

Родился в 1956 году в поселке Родаково Ворошиловградской области. В 1973 году окончил среднюю школу №6 г. Ясиноватая Донецкой области. Работал учеником токаря, а затем токарем на Ясиноватской ремонтно-прокатной базе треста «Донбасстранстрой». В 1974-1976 гг. служил в Советской Армии, сначала в учебном подразделении в Свердловской области, затем в Группе советских войск в Германии.

В 1982 году окончил исторический факультет Донецкого государственного университета. Работал учителем истории в школе №4 г. Ясиноватая Донецкой области. В 1984 году переехал в Сургут. Работал учителем истории в средней школе №2, затем, с 1985 г. по 1988 г., инспектором по делам несовершеннолетних в ГОМ-3 УВД Сургута.

Писал стихи и очерки. С 1987 года стал активно публиковаться в периодических изданиях. С 1988 по 1991 гг. был редактором радиогазеты «Нефтяники» в производственном объединении ОАО «Сургутнефтегаз». В 1992-1993 годах работал корреспондентом и ответственным секретарем в ведомственной газете объединения «Сургутнефтегаз» «Нефть Приобья». С 1993 по 1996 гг. был обозревателем в сургутской районной газете «Вестник». В 1996 году назначен заместителем главного редактора газеты «Вестник».

В 1999 г. перешел на работу в «Сургутгазпром» - редактором ведомственной газеты «Газовик» (позднее «Сибирский газовик»). В 2003 году вернулся в районную газету «Вестник», работал собственным корреспондентом. В апреле 2005 года назначен заместителем главного редактора газеты «Вестник». В настоящее время продолжает работать в этой должности. Член Союза журналистов России с 1994 года.

Имеет около 150 литературно-художественных публикаций в газетах («Сургутская трибуна», «Тюменская правда», «Утро», «Артлампа», «Скрижаль», «Тюмень литературная» и др.), журналах («Рабоче-крестьянский корреспондент», «Югра», «Наш современник», «Фактор»), литературных альманахах («Сургут», «Эринтур», «Факел»), антологиях «Литература Югры», коллективных сборниках («Сургут поэтический», «Праздник первого снега», «Север России»). В 2006 году в издательстве «Диарит» вышла книга работ фотохудожника Георгия Корченкина со

стихотворениями Дмитрия Сергеева. Д.А. Сергеев издал два авторских поэтических сборника - «Куда улетают халеи» (1996 г.) и «За час до рассвета» (2001 г.), два сборника фантастической прозы - «Ложная дверь» (1993 г.) и «Изнанка мира» (1999 г.). Отдельным изданием в 2002 году вышла пьеса «Дело о черном чемодане». В 2002 году Дмитрий Сергеев был принят в Союз писателей России. Он был редактором коллективных сборников «Район, который мне дорог» (2005 г.), «В палитре жизни все цвета» (2001 г.), поэтических сборников В. Замятина «Под синим пологом лесов» и «Весенний ветер», составителем коллективного поэтического сборника «Север России». Участвовал в подготовке энциклопедических статей о Сургутском районе для Энциклопедии Ханты-Мансийского автономного округа, вышедшей в 2000 году. Составил справочник «Сургутский район», изданный в 1998 году. В числе других авторов участвовал в написании книг «Долгая дорога к нефти» (1997 г.), «Сургут. День за днем» (1999 г.), «Автограф победителей» (2005 г.).

Является членом редколлегии сургутской журналистской газеты «Мы вместе», ведет в ней литературную рубрику. В 2003-2004 годах руководил литературной студией «Светоч» при Сургутском доме журналистов. Входит в состав редколлегии литературно-художественного альманаха «Сургут» где отвечает за поэтический раздел.

Библиотека

Югры

КО

- 0162881 -

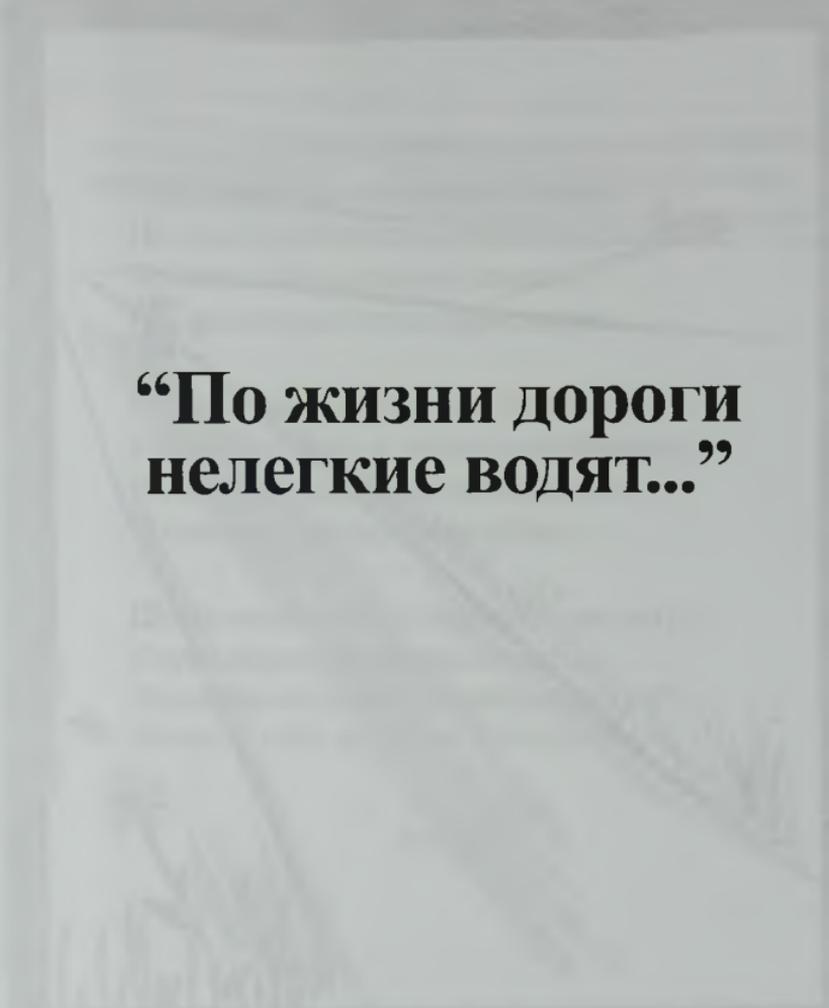
Дмитрий Сергеев

«По желтым дорогам
несется восток...»

Возвращение

(сборник стихотворений)

**“По жизни дороги
нелегкие водят...”**

1979-1990

***

Гудит метель полночною порой,
Но ты спокойно спи, сомкнув ресницы,
И пусть тебе унылою зимой
Весенняя распутица приснится.

Пускай тебе приснится солнца свет,
Ручей бегущий к речке в нетерпенье,
Вечерний час, когда метелей нет,
И соловья раскатистое пенье.

Пусть легкий снег кружится на ветру,
Глубокими сугробами ложится,
Увидишь ты, проснувшись поутру,
Весна к тебе летит на колеснице.

1979

***

Чем-то опечаленные ивы
До земли склонились у пруда.
В бездну голубую молчаливо
Смотрит неподвижная вода.

Старая знакомая аллея,
В золото одеты тополя.
Край, который в сердце я лелеял,
Издавна знакомая земля.

Сумрачные тучи небо скроют
В ожиданье зимних холодов.
Но дожди осенние не смоют
Мною здесь оставленных следов.

1979

Зимнее

Ночь. Мороз. В белом инее лес.
Месяц холодно смотрит с небес.
Лижет глубины серых туч
Серебристый холодный луч.
Сучьев треск. Отблеск пламени. Дым.
Сосны спят под покровом седым.
Не гони, встречный путник, меня,
Дай с тобой посидеть у огня...
Звезд молчанье и неба шатер.
Догорел одинокий костер.
И ложился созвездий свет
На глубокий олений след.

1979, 1999

Прощальное

Облетает листва.

    Прощайтесь со мною, солдаты.
Что ж ты, клен, старый друг,
    так недвижим и снова молчишь?
Я меняю на степь
    и привычные белые хаты
Всю осеннюю грусть
    островерхих готических крыш.

А над Эльбой туман
    занавесил багряные дали.
Так скрывает от нас
    все бывшее времен пелена.
Буду завтра уже
    на далеком московском вокзале
Вспоминать о тебе,
    Незнакомая раньше страна.

1976

Осенняя песня

Войду в покой густых дубрав.
Здесь летом бурно жизнь текла.
Теперь увяла зелень трав,
И нет ни солнца, ни тепла.

Лишь журавлей летящий клин,
Осенний звон колоколов,
Огни пылающих рябин
И песня грустная без слов.

Густой, клубящийся, как дым,
Туман окутает меня.
И станет лес совсем седым
И странным в тусклом свете дня.

Тогда увижу сквозь туман
Паренье белого крыла:
То птица счастья – мой обман,
Спрошу: «Где раньше ты была?»

Она лишь крыльями взмахнет,
И снова будней кутерьма.
А небо холодом дохнет,
Сорвется снег - и все. Зима...

1979

Вороны

Вороны – вечные птицы.
Сколько им в небе летать!
Сколько на крыши садиться,
Годы свои коротать!

Вороны – черные птицы.
Сотни и тысячи дней
Ворон над смертью кружится,
Следует тенью за ней.

Вороны – мрачные птицы.
Кормит их горе других.
Им ли судьбою гордиться?
Жалкая участь у них.

Ворон, спокойная птица,
В чем, расскажи, твой удел?
- В том, чтоб беспечно кормиться
Падалью. Только-то дел!

1979

Жилище

Вот, наконец, и мне дано
Отдельное жилище.
Пусть необычное оно,
Но здесь уютней, чище.

Не раздражает яркий свет,
Не докучают гости,
И будут здесь немало лет
Мои храниться кости.

Но что за шум над головой
И голоса глухие?
Латунных труб протяжный вой...
- Что надо? Кто такие?

Эй, люди, может, здесь я сплю.
Шумите вы не слишком?
- Молчи, мы к твоему жилью
Придelvesаем крышку.

1980

Беговой лошади

Ну, вот и все. Еще рывок - и финиш.
И за чертой заветной ты стоишь.
Копытами ты землю разрывала,
Толпа вокруг свистела и орала,
Собравшись здесь на громкий зов афиш.

Взлохмачена подстриженная грива,
Наездник, получивший первый приз,
Тебя похлопал весело, игриво,
В глазах твоих плывет все сверху вниз.

Торопит кто-то время перед стартом,
Мы, люди, все куда-нибудь спешим.
А что тебе до чьих-нибудь азартов?
Ведь это мы местами дорожим.

Вот снова старт. Все стихло в ожиданье.
Перед тобой нелегкий путь лежит.
Вот твой жокей в привычном одеянье,
Ты сбрось его - пускай он сам бежит!

1980

Возвращение

***

Сорвался снег. Февральский вечер.
Из окон льется робкий свет.
Еще квартал до места встречи,
Ну, кто сказал, что счастья нет?

Ну, кто сказал, что жизнь не вечна?
Снежинки пальцами ловлю.
Я верю в жизни бесконечность
И грустных мыслей не люблю.

Зима. Аллея. Место встречи,
Снег заметает легкий след...
Вдали рисует зимний вечер
Знакомый стройный силуэт.

1980

- 0162881 -

Государственная
библиотека
Югры

17
КО

Ожидание

Ты, наверное, ждешь.
Остановка, окон мокрые стекла.
Светофор, расплывчатый, блеклый -
На перроне дождь.

Силуэты, зонты.
Люди вдоль поезда топчут лужи.
Ну и слякоть! Бывает ли хуже?
Лица, руки, цветы.

Свет во мгле суеты:
Поступь быстрая, невесомая,
И глаза такие знакомые -
Это ты.

1980

Возвращение

Та же улица, те же дома,
Тополя, приодетые в иней,
И украсила вечер зима
Невесомою дымкою синей.

Смотрит окнами старый фасад.
Наяву это или мне снится?
Тот же дом, тот же двор, тот же сад,
А вокруг незнакомые лица.

1982

***

Терялся сердца частый стук
Меж плавных линий тонких рук,
И звезды спорили с луной
За занавеской кружевной.

В окне забрезжил ранний свет.
Нежданно хлынувший рассвет
В охапках серых туч принес
Неудержимый ливень слез.

Внизу, где мир казался дном,
Под липы высохшим стволом
Лежала птица за окном,
Застыв со сломанным крылом.

1989

***

Ни тоски, ни молвы не боялась,
И казалась колдуньей лесной.
Звонко пела, задорно смеялась,
Обещала вернуться весной.

А когда над садами смеркалось,
Говорила всегда о былом
И от жизненных стуж укрывалась
Черной ночи жемчужным крылом.

Не допела и не досказала,
Птицей канула в сизую даль.
Как игрушкой, судьбою играла,
Только мне недопетого жаль.

Одинокая иволга где-то
Вторит песни, да все не о том,
И в багрянце осенних рассветов
Я бегу за растаявшим сном.

От земли, не пугаясь паденья,
В ожиданьи грядущей весны,
Отрываюсь я без сожаленья,
И сбываются вещие сны.

1985

***

Ты так загадочно молчала,
Таинственный бросая взгляд.
Теперь начать бы все сначала,
Вернувшись несколько назад.

Увы, кто ищет, тот обрящет,
И я достиг своей мечты –
Под звуки музыки бодрящей
Со мной заговорила ты.

Как был я слеп в своей надежде!
Но поздно – стоит лишь начать.
Ах, если б ты могла, как прежде,
Всегда загадочно молчать.

1985

Печальное

Обретая земли два метра,
Как вечерние гаснут зори,
В скорбном свете чужой печали
Те, кто не был, как грабли, прост.
И становятся песней ветра,
Превращаются в рокот моря,
Возвращаются криком чаек,
Вечным светом далеких звезд.

1985

Поворот

Вот опять поворот,
и никак не устанет Фортуна,
Устремляясь вперед,
над судьбою моей ворожить.
Мне не часто везло,
и порой на мели моя шхуна,
Но невзгодам назло
так безумно мне хочется жить.

Нас учили добру,
проповедуя праведность мира.
Я скажу, не солгу:
мы надеялись жить не устать.
И входили мы в жизнь,
как с похмелья от сладкого пира,
Как птенцы,
что упали с гнезда, не умея летать.

И бросало нас в пыль.
Нас нередко так больно топтали.
Это грустная быль.
В нашем мире нетрудно пропасть.
Но, окрепнув тогда,
с болью в крыльях мы все же взлетали,
Чтоб уже никогда,
никогда больше вниз не упасть.

Вот опять поворот.

Все привычно, и крыльям не больно.

Мне не может ничто

помешать мой полет завершить.

Только тяжко уму,

ноет сердце: быть может, довольно?

Только сам не пойму,

отчего мне так хочется жить.

1985

Новогоднее

День последний отгорит закатом,
Первый день зарею обагрит,
Сходятся значительные даты –
Новый год с прошедшим говорит.

Между первым и последним днями
Вспыхнут елки маревом свечей,
Ночь цветными вспенится огнями
И потоком праздничных речей.

У традиций есть такая сила,
Что сильнее, чем дней упорный ход.
Сколько лет во всех концах России
Так же провожали старый год!

Мерно время полотно былого
Рассекало стрелками часов,
Год кончался, и маячил новый,
Гасло эхо давних голосов.

И теперь сквозь лет ушедших толщу
Нам из настоящего видны,
Как туманный лик опавшей рощи,
Блеклые картинки старины.

Но бесследно в сумрачную небыль
Не уходят старые года,
И глядит безвременное небо
Облаками в зеркало пруда.

Из ушедших лет сложились судьбы,
В них читая прошлое земли,
Мы порой мечтаем: заглянуть бы
В год грядущий, реющий вдали.

И мечте безудержной навстречу,
Легкою, невидимой рукой.
В сизой дымке новогодний вечер
Зажигает звезды над рекой.

1986

Гроза в степи

Когда во тьме блеснула вспышка,
Над головой протяжный гром,
Распространяясь дальше, выше,
Промчался диким табуном.

И часто в землю били стрелы,
Их свет казался ярче дня –
То демон злой, остервенелый
В ночной степи искал меня.

Он не из плоти был, он – марево
Из туч, из ветра и дождя,
Он хрипло в небе разговаривал,
Угрозы рокотом твердя.

И я подумал: «Дело скверно.
Он доберется до меня.
А где-то люди дремлют мерно,
Не видя страшного огня».

1986

Живопись

Палитра в красках непроста,
И, как смычком по струнам скрипки,
Выводишь мягкой кистью гибкой
На свет мелодию холста.

И боль, и радость, и печаль
В мазках находят воплощенье.
Сквозь будней серую вуаль
Вдруг проникает вдохновенье.

На полотне то свет, то тьма,
То шум дождя, то рокот моря.
Душа, парящая в просторе,
Непостижима для ума.

И на словах не передать
Звучанье света, форм и линий,
Шуршанье листьев, шумы ливней,
Как музыку не рассказать.

1986

Последний патрон
(рассказ фронтовика)

Был разбитым вокзал,
и пустынным - перрон.
А на рельсах стоял
обгоревший вагон.
Политрук слыл отважным,
напутствовал он:
«Для себя должен каждый
оставить патрон».

Залп орудий взревел,
насылая беду.
И, казалось, горел
я в крошечном аду,
А, когда вражья рать
стала близко видна,
Начал выживших звать,
но вокруг – тишина...

Ветер с пеплом кружил
стаю черных ворон.
Я в обойму вложил
свой последний патрон.
И стоял во весь рост...
Почему не стрелял? –
Офицер был не прост –
он, наверное, знал.

Старый фонарь

На аллее старенький фонарь,
С треснувшим стеклом в оправе медной,
Отгонял дрожащим светом бледным
Сумерек сгустившуюся марь.

И в гирлянды дремлющих цветов
Стройных тополей ложились тени,
А фонарь в плену ветров осенних
Лишь скрипел на сотни голосов.

Был фонарь нелеп – ну, просто смех!
И смеялись в парке фейерверки,
Ведь у них совсем другие мерки –
Постоянно массовый успех.

С треском разноцветные огни
Озаряли сумрачное небо,
И, казалось, парк светлее не был
Даже в очень солнечные дни.

А потом цветные огоньки,
Что так ярко, весело горели,
Остывая, в дымном небе тлели,
Как в костре погасшем угольки.

В звуках уходящей суеты
Был фонарь старинный неизменен,
И роняли призрачные тени
Тополя в осенние цветы.

1986

***

Вейте, ветры, тише –
Город смотрит сны.
Катится по крыше
Желтый диск луны.
И когда до края
Самого дойдет,
Ярко догорая,
Сверху упадет.
В лунных бликах руки,
Окна в дымке слез, -
Это не от скуки,
Это все всерьез.
Искорки играют
В паре светлых глаз.
Чудная такая
Ночь с тобой у нас.
В локонах застыла
Поздняя звезда...
Вправду ль это было?
Будет ли когда?
Осень. Утро. Стужа.
Стоя у окна,
Вижу: тонет в луже
Бледная луна.

1986

О космических объектах

Есть царство звезд, дающих миру свет.
Есть мир больших и маленьких планет,
Которые, по признанному мнению,
Поддерживают мироосвещение.

Но существует также мрачный мир,
Все поглощающих навечно черных дыр,
Которые лучей не испускают
И света мудрых звезд не отражают.

Нечаянно, а может быть, со зла,
Вселенная те дыры родила.

1987

Железнодорожное

Люблю смотреть у плавных горок
Как составляют поезда,
Как манит блеском светофоров
Их путеводная звезда.
Вот стрелка тихо проплывает -
Печально катится вагон,
Который сам еще не знает
На путь какой определен.
Цепляясь крепко друг за друга
(Им этот строй давно знаком),
Как лошади в упряжке цугом,
Вагоны мчат за вожаком.

Маршрут пути составлен строго,
И, как колеса ни крути,
С гремящей стыками дороги
Теперь вагонам не уйти.

Их где-то снова разбросают,
Иной планируя состав.
И снова шпалы замелькают,
Бежать навстречу не устав.

1987

***

То светит солнце в миллион свечей,
То студят ноги ледяные росы -
Здесь все привычно: ночи-альбиносы
И стаи черных длительных ночей.

Озябнут сосны в колющий мороз,
Или придет не ягодное лето -
Для многих все же края лучше нету,
Чем хвойный край с просветами берез.

1987

Бродяга

В квартале старом бродит пес.
Он никому теперь не нужен.
Когда-то он с людьми был дружен
И безупречно службу нес.
Но старый дом пошел на слом,
И пса уволили в отставку,
Внеся в судьбу его поправку -
И вот он снег метет хвостом.
Крадется ночь, сгущая мрак,
Мороз крепчает не на шутку,
И, завернувшись в полушубки,
Спешат в уют друзья собак.
У пса давно уюта нет,
Его нередко гложет голод,
Он ясно ощущает холод,
Не различает только цвет.
Бесспорно, не его вина
В неуловимости оттенков,
Он зябко жметя к белой стенке,
А жизнь вокруг черным черна.

1987

***

По жизни дороги нелегкие водят,
И сущность пути постигаешь не вдруг,
А самые светлые мысли приходят
С усталостью ног и усталостью рук.
Порой наши годы бесследно проходят,
И все, чем живем, обращается в прах,
А самые мудрые мысли приходят
С усталостью ночи и с болью в висках.
С усталостью лета листвой хороводят
Осенние ветры в преддверии стуж,
А самые грустные мысли приходят
С усталостью чувств и усталостью душ.

1987

Шарманщик

Свежесть утра хороша,
Развернись-ка, пой, душа!
Во дворе стоит шарманщик,
Крутит ручку, не спеша.

Из высокого окна
Смотрит ласково она,
У нее глаза сияют,
И в душе царит весна.

Угасает ясный день,
И легла на дворик тень,
А шарманщик все играет —
Для нее играть не лень.

Крутит ручку, не спеша.
Ах, девица хороша!
Ничего, что у красотки
Нет, как видно, ни гроша.

1987

***

Пусть каждый день тугой пружиной сжат,
Пусть постоянно в напряженье – трудно.
Играют лишь натянутые струны,
Ослабленные струны дребезжат.

И если звоном лопнувшей струны
В хорале жизни чья-то песнь прервется –
Тот звон протяжным эхом отзовется
В преддверье наступающей весны.

1987

В музее

После рокота шумных вокзалов
От полуденной вязкой жары
Я уйду в эти тихие залы,
Где распахнуты окна в миры.

Остановится время, из рамок
Выйдут образы давних эпох:
Под луною таинственный замок,
Перекрестки забытых дорог.

Давней смертью не стертые лица
Будут пристально в душу смотреть.
И по новому вдруг заискрится
Старых рамок потухшая медь.

1987

Жребий

Знаешь: будет все как прежде,
В ложе счастья мало мест,
Вопреки твоей надежде -
Невезенья черный крест.

Верных шансов не имеешь,
Но как будто неспроста
В глубине себя лелеешь
Мысль: "А вдруг один из ста?"

Бесполезно тянешь время,
Ждешь чего-то, а потом
Ты вытаскиваешь жребий,
Обозначенный крестом.

1987

Письмо

Сентябрь деревья тронул позолотой.
Упала в травы первая листва,
Грустит камыш на отмелях болота,
И где-то гулко ухаает сова.

Волнуют взор рябиновые вспышки –
Осенних дней приветственный салют.
Они могли б взлететь и вспыхнуть выше,
Но им тугие ветви не дают.

В пустых заботах время коротаю,
С тоской смотрю на бледную зарю.
Ну, вот уже и птицы улетают,
А я с тобой лишь в письмах говорю.

Я в маленьком конверте посылаю
Ночную грусть берез в ночной тиши,
Простор небес, курлычащую стаю,
И вместе с ними – часть своей души.

До холодов, до зимних проявлений
Мне будет вид лесов напоминать
Похожую на их наряд осенний
Волос твоих спадающую прядь.

1987

Весна

Подтаяло, и на душе светлей.
Такая гулкость в воздухе окрест!
Зима тянулась вереницей дней,
Как долгий поезд через переезд.

И мир, устав от томной белизны
Ее давно слежавшихся снегов,
Встречает приближение весны,
Вникая в каждый звук ее шагов.

1987

Старая пластинка

Частые дробные звуки,
В окна стучатся дождевики,
Ставят знакомые руки
Дней позабытых пластинку.

Нежно хранят в себе что-то
Ветхих альбомов страницы,
Смотрят с желтеющих фото
Нам незнакомые лица.

Тихая грусть поселилась
В странно пустующем кресле,
Что ж, коль звезда отсветила,
Не бесконечно все если.

Но, запинаясь немножко,
Снова пластинка играет,
А за раскрытым окошком
Пух с тополей облетает.

1987

Осеннее

Вот и лист последний брошен
У подножья тополей.
Гонит белая пороша
Стаю поздних журавлей.

Мир беднеет и тускнеет,
Правит холод-господин.
Но природа душу греет
Неподкупностью рябин.

1987

Бомба

Она упала и не взорвалась,
Зарылась в мягкий грунт по оперенье.
И люди, смерть которых обошла,
Отметили свой новый день рожденья.

Солдаты обезвредили ее,
Но полностью откапывать не стали.
Спешили. Разлеталось воронье.
На запад шли полки, сверкая сталью.

У дома, утонувшего в садах,
Средь виноградных лоз она осталась,
Как память о пылающих годах,
Но быть опасной вещью перестала.

А время шло: то осень, то весна.
Сменялись исторические вехи.
Ржавела в винограднике она,
И в детстве я колол на ней орехи.

Оставшиеся жить судьбе назло
Друзьям в свой необычный день рождения
Рассказывали, как им повезло,
И радовались этому везению.

Но сколько бомб таких в земную твердь,
Неразорвавшихся, войной надолго врытых!
И сколько отмечающих теперь
Столь странный праздник –
праздник не убитых.

1987

Скачки

На ипподроме страсти играют.
Зрители громко кричат.
Всадники резко коней погоняют,
Только вот кони молчат.

Важный наездник на рыжей лошадке
Лихо обходит других.
Те, что на острые зрелища падки,
Каждый вопит за троих.

Яркая грива огненно реет.
Всадник, не хватит ли гнать?
Лошадь бежать не сумеет быстрее,
Чем она может бежать.

1987

***

Да, кончилось годов моих раздолье,
Последний лист кружится на ветру,
Но я еще поспорю с этой болью,
Нет, я еще сегодня не умру.

В глазах пространство призрачно искрится,
А у постели ночью и с утра
Я часто вижу (мне давно не спится):
Неслышно ходит в белом медсестра.

Мне дней моих прошедших страшно мало,
И каждый час отсрочку я беру.
Сестра, я знаю, ты со мной устала,
Прости, но я и завтра не умру.

1987

***

Дни беспросветные. Игры без правил.
Все повторяется, кто бы ни правил.
Но от судьбы своей не убегаяю.
Может, последний раз я проиграю.

Ночи лихие. Орел или решка?
Снова судьбы моей злая насмешка.
Я свое кредо нарушить не смею
И о проигранном не сожалею.

Дождь за окошком. Отблески в луже.
Было не лучше. Будет ли хуже?
Пусть я без правил играть не умею,
Не проиграть мне всего, что имею.

1987

Кремль

Разлился лунный свет, холодным блеском
Позолотив изгибы куполов,
И будто бы неосторожным всплеском
Он окропил поверхности крестов.

Спит белый кремль не в глубине столицы,
А в отдаленном уголке страны.
Но здешним башням тоже ночью снится
Былое время русской старины.

Ветшают год от года башни эти
В унынии и часто в забытьи.
Прости нас, Русь, ведь мы еще, как дети,
Неблагодарные, а все-таки твои.

Мы путь порой не вовремя итожим,
Доверившись наветам злой молвы.
Но без кремлей России быть не может,
Как без корней не может быть листвы.

Форпосты древних градов разбросала
Судьба среди лесов, среди полей.
Мы знаем, как Отечество спасала
Надежность этих маленьких кремлей.

Об ушедшем

Дожди сменялись снегом за окном,
Снега сходили бурными ручьями,
А он все хмурился и уходил на дно
Своей никем не понятой печали.

Порой сходились старые друзья,
Воспоминанья в воздухе парили.
Нередко спорили, бывало, что и зря,
И о вещах банальных говорили.

То восхищались ловкостью одних,
То удивлялись странному везенью
Других былых товарищей своих,
То радовались общему прозрению.

А он всегда смеялся только ртом,
Рассеянно смотрел, общался мало.
Я видел все, но понял лишь потом,
Как много эта странность означала.

Я всматривался: что в его глазах?
И жар огня, и скуки монотонность —
Все поглощала черная бездонность,
Но часто я в них видел боль и страх.

И в час ночной, спустя так много лет,
Мне снится глаз знакомых выражение.
Я просыпаюсь: в дымке пробуждения
Мне в черных окнах виден звездный свет
(А этих звезд давно, быть может, нет).

1987

1988

***

С годами обрастаем оболочкой,
Через нее не видно ясных звезд.
Мы в ней порой сидим довольно прочно,
Но вырваться нам хочется до слез.

И все вокруг увидеть свежим взглядом,
Вновь ощутить дыхание весны,
Чтоб не ушло все то, что с нами рядом,
В далекие расплывчатые сны.

Чтоб не подумать, просыпаясь ночью:
Я видел что-то близкое душе,
Оставшееся там, за оболочкой,
У прошлого на нижнем этаже.

1987

Призрак

Он умер задолго до смерти.
Не знаю, кого в том винить,
Его в серых дней круговерти
Забыли похоронить.

Маячит он зыбкою тенью,
Не чувствуя и не дыша,
Поскольку давно уже тленью
Подверглась его душа.

Бессмысленно и монотонно
Он речи порой говорит.
Печаль его сердца не тронет,
Ведь умершее не болит.

Не раз в похоронном хоре
Кого-нибудь он отпоет,
Когда на всеобщее горе
Опять чье-то солнце зайдет.

А ветер в древесной кроне
Нашепчет печальный стих
О том, как ходячий покойник
Хоронит вечно живых.

1987

Сон в дороге

На обгон не каждый здесь отважится.
Автотранспорт поднимает пыль.
И сквозь сон усталому мне кажется,
Будто бы и я автомобиль.

Будто бы и я в движенье бешеном,
Раскалившем воздух добела,
Тоже стал бирюльками увешанным
Синтезом металла и стекла.

И несет меня поток неистовый,
Очертил границы мне кювет.
Утомлен асфальт ездой быстрою,
Но нигде не виден красный свет.

Задние округло смотрят фарами,
Тем, что впереди, не до меня,
А в итоге блеклыми и старыми
Путь сведет нас на исходе дня.

Мне остановить движенье хочется,
Чтоб осела взвившаяся пыль...
Тормознул таксист, и, дрогнув, кончился
Сон, в котором я – автомобиль.

1987

Натюрморты

На столе в хрустальной вазе
Три оранжевые ветки.
Каждый день роняет листья
Зрелой осени букет.

На столе в хрустальной вазе,
Словно птицы в тесной клетке,
Три бессмысленные ветки,
На которых листьев нет.

1988

Утро

Муза, словно женщина, с которой
Предстоит проститься поутру,
Удалилась. День нахлынет скоро,
Но восход тебе не по нутру.

Строк твоих иссякшая протока
Замерла. В ней рифмы не текут,
И, играя заревом востока,
Усмехнулся окнами Сургут.

1988

***

Висит гитара на стене
На ней так долго не играли,
И, как мелодия печали,
Ее молчанье в тишине.

Висит гитара на стене,
Уже поблекшая от пыли.
Пока всего не позабыли,
Споем негромко при луне.

1988

Воспоминание

Черная ворона на заборе,
Призрачные тени на снегу.
А певица пела мне о море
И о днях на крымском берегу.

Бередила старая пластинка.
Все прошло, и жизнь уже не та.
А в глазах поблекшая картинка
Обретала прежние цвета.

Шелестели волны белой пеной,
Отражалась в море бирюза,
И смотрели так самозабвенно,
Словно ночь, бездонные глаза.

Отсверкали радужные блики,
На песке растаяли следы.
И воспели чайки дружным криком
Южный рай из солнца и воды.

Отзвучала песня, запинаясь.
За окном земля белым бела.
Над снегами, плавно поднимаясь,
Распластались черных два крыла.

1988

***

Настольная лампа. Сплошной абажур.
Направленный свет
В кругу освещенном, как я погляжу,
Есть контур и цвет.

А за абажуром, глотая предметы,
Сгущается тень.
Но правду о том, что там есть, чего нету,
Покажет нам день.

1988

Водоворот

Водоворот. Как кролик на удава,
Ползет корабль то бортом, то кормой.
Водоворот – нептунова забава,
А людям очень хочется домой.

Что паруса в такой-то круговерти?
И каждый налегает на весло.
Каков улов! Везет старушке-смерти,
А морякам совсем не повезло.

Но что тужить? Бесмысленное дело.
Вся наша жизнь – большой круговорот.
И в ней не каждый умный и умелый
Придет в итоге в свой желанный порт.

Водоворот – нептунова забава,
И в кровь растерты руки о весло.
Ползет корабль, как кролик на удава,
Но слава тем, кто жив судьбе назло!

1988

***

Куда ни кинь – все черный клин,
Так беспощадно вбитый в душу.
Нет, я судьбы своей не трушу,
Но, Бог мой, я опять один.

Меня ничем не прошибешь,
Я – склеп, я – запертые двери,
Я не могу уже поверить
В еще одну святую ложь.

Душевных всплесков не терплю
И не хочу быть снова битым.
Молчу. Глаза мои закрыты,
Я притворяюсь, будто сплю.

Да, так надежней, так верней,
И, что бесспорно, меньше риска.
Но жизнь из крепости моей
Уйдет однажды по-английски.

И будет день, и будет ночь,
И будет мысль, и будет слово,
Которому мы внять не прочь,
Но сделать это не готовы.

Тогда, в охапку взяв стихи,
По воле чувства и сознания
Сюда из долгого изгнания
Вернусь замаливать грехи.

1988

***

Мне кажется, что я здесь раньше был,
И все, что происходит, тоже было.
Вот так же люди расточали пыл,
А после все сгорело и остыло.

Тяжелая нависла тишина,
Усталость сердца требует покоя.
Но теплится надеждой мысль одна,
Что наше время вовсе не такое.

Что люди новые на наш Олимп взошли,
В них нет холопства, алчности и страха,
Они готовы сжечь себя до праха,
Но сохранить лицо своей земли.

1988

***

Спешил. Бежал. Мелькали лица
В унылой вязкости толпы.
Но вдруг решил остановиться –
Застыли окна и столбы.

И вижу: лист сухой кружится,
Скользит за падающим взгляд,
Ему уже не возвратиться,
И в том никто не виноват.

Я слышу: музыка разлуки
Осенней темой нежит слух.
Мне кажется, роняет звуки
Немого солнца блеклый круг.

Мне кажется, насыщен воздух
Звучаньем зыбких облаков,
Упавших в сумрачную воду,
Но им и там не глубоко.

Я чувствую дыханье ветра
И запах вянущих цветов.
Вокруг меня на сотни метров –
Людской поток, обрывки слов.

Народ везде успеть стремится.
Я взгляд на встречном задержал,
Хотелось с кем-то поделиться,
Но встречный мимо пробежал.

Йети

Там, где горы вздыбились высоко,
Где в ночи блестит подлунный снег,
Словно призрак, бродит одиноко
Одинокий снежный человек.

Мощных склонов дивные контрасты,
Чистота нетронутой среды,
Увлекают вверх энтузиастов,
Ищущих гигантские следы.

Но в краю, где бурных рек истоки,
Йети - не слуга, не господин.
Он со всеми будет одиноким
Даже больше, чем когда один.

Мельтешат искатели-туристы:
За любую цену - своего!
Осадили горы - и на приступ.
Отвяжитесь. Что вам до него?

1989

***

Я избитой тайгою иду.
Всажен в почву обломок железа,
Словно кто-то огромный зарезал
Эту землю нам всем на беду.

В тишине то ли стон, то ли хрип
Из глубин, развороченных взрывом,
Пахнет нефтью мореная рыба,
И уродливо скорчился гриб.

Тают силы природной среды,
Но в явленье клинической смерти
Есть надежда. Не поздно, поверьте,
Избежать подступившей беды.

Ведь тайга не совсем умерла,
В беспощадных пожарах сгорая.
А когда-то она здесь была
Полновластной хозяйкою края.

Вечер в белое небо простер
(Или мне только грезится это?)
Устрашающие силуэты
Мертвых сосен у черных озер.

1989

***

Когда последний меркнет свет
И мир накрыт сплошной тенью,
Нас часто мучают сомненья,
И кажется, что счастья нет.

Когда лишь блеск небесных сфер
Лелеет веру в прелесть мира,
Мы за своей заветной лирой
Летим, переступив барьер.

1989

***

Мы мимо попранных святынь
Проходим, глаз не поднимая,
Сквозь мрак снедающих пустынь,
Мольбам и стонам не внимая.

Уходим в грезы и в запой,
Судьбою отчины играя,
А после серою толпой
Придем стучать в ворота рая.

Прости нас, Господи, за страх,
Стоящий ночью в изголовье,
И за студеный на ветрах
Забытый дом с худою кровлей.

Прости, Всевышний, нас за тех,
Кого давно не поминали,
И за надменный, злобный смех
Над тем, кого безвинно гнали.

За тех, кого не возвратишь,
За то, что с болью вспоминаю...
Ты щедр, я знаю. Ты простишь!
За все ли, Господи? Не знаю...

1989

Ослик

По кругу ходит ослик,
Вращает механизм,
Но он узнает после
Судьбы своей трагизм.

Не спрашивай нас, ослик,
Куда лежит твой путь,
О каверзных вопросах
Надолго позабудь.

По кругу ходит ослик,
Завязаны глаза.
Быть может, он и против,
Зато другие «за».

О чем твоя забота?
Меняется ль пейзаж?
Работай, друг, работай,
Ведь жизнь – не вернисаж.

Устал от лямки ослик,
Тяжелый путь прошел,
Но он узнает после,
Что никуда не шел.

1989

Отъезд

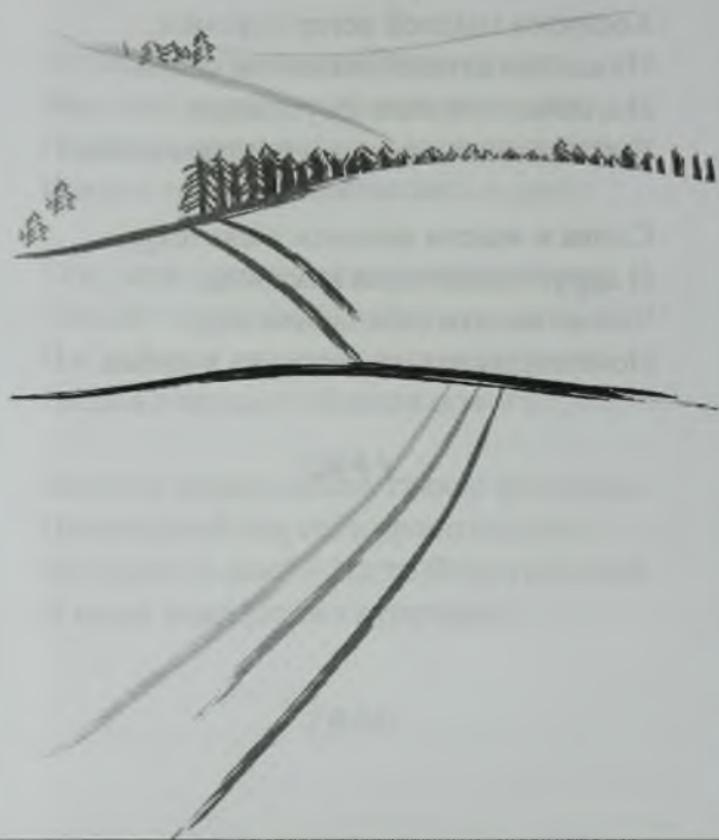
На гребне крыши сонная ворона,
Уныл вокзал и мрачен город, но
Едва отчалит поезд от перрона,
Душа незримо выпорхнет в окно.

И будет поезд медленно, но верно
Под перебранку увальней-колес
Везти меня, подрагивая нервно,
Среди весенних плачущих берез.

1989

**“На полотне
холодного простора...”**

1990-2000

***

Коснулся мыслей ветер перемен,
Из клетки птицей вылетело слово.
Но, ничего не взяв ему взамен,
К исходной точке мы приходим снова.

Слова и мысли влились в пустоту,
И вдруг тоска такая накатила,
Что не писать тебе неволю,
Но и писать ты, кажется, не в силах.

1990

Девяностому году

Истаял год. Часы пробили полночь.
Нам, как всегда, несбывшегося жаль.
Но снова мир надежд и планов полон
И ждет чего-то, вглядываясь в даль.

Там, меж светил, мерцающих игриво,
Спешит из глубины грядущих лет
И в небесах колышет пышной гривой
Гнедая лошадь в яблоках планет.

Несется вскачь сквозь гулкое раздолье.
Пришедший год себя провозгласил.
Что будет в нем? – На то Фортуны воля,
И наша тоже (если хватит сил).

1990

Скрипач

Я в детстве видел: старый инвалид
В пивной на скрипке дряхленькой играет.
К нему толпа вокруг благоволит,
Бесплатно щедро пивом угощает.

Был жалок вид седого старика,
А скрипка так тоскливо завывала.
И продавщица, пьяная слегка,
В стеклянных кружках пиво подавала.

Я это все случайно подсмотрел.
Мне стало грустно, стало как-то стыдно.
Я этим чувством будто заболел,
За инвалида было мне обидно.

Немало лет прошло, но иногда
Мне все казалось: в привокзальном баре
Седой старик играет, как тогда,
Теперь уже, быть может, на гитаре.

И я однажды в этот бар зашел:
Там шик и блеск,
На стенах бра под свечи.
Я старика, конечно, не нашел.
Я так и знал, но стало как-то легче.

1990

В пути

Торопимся. А, может быть, напрасно?
Нам есть куда спешить, да только надо ль?
Среди лесов вот так нестись прекрасно,
Но здесь не Бенилюкс и не Канада.

Уймись, водитель, не гони так скоро.
Тревожит взгляд мельканье древесины.
Да, я из тех, кто тоже любит скорость,
Но и из тех, кто любит апельсины.

А вдруг судьба нам выйдет несчастливой? –
Растает жизнь дрожащей струйкой дыма
На этой узкой, этой торопливой
И на ухабистой дороге до Сортыма.

1990

***

Сколько ж нам учиться, чтобы видеть
Суть явлений в профиль и анфас,
И в каком земля предстанет виде,
Тем, кто остается после нас?

Как-нибудь под утро выйдешь с внуком,
Показать ему пожар зари,
А вокруг такая боль и скука:
Пни, канавы, камни, пустыри.

Наших славных дел скупую прозу
Ты прочтешь, насколько хватит глаз,
Скажешь внуку: "Здесь росли березы" -
И поправишь свой противогаз.

1990

***

Давайте покричим о чем-нибудь.
О чем – не важно, лишь бы было громко.
О том, насколько темен был наш путь
Во мраке ночи с тощею котомкой.

О том, насколько глуп наш человек,
О том, что ничего не надо строить,
Что без того нам хватит на наш век,
И это ничего не будет стоить.

О том, что бюрократы все вокруг,
О том, что быт и беды задавили,
Что катаклизмы были все не вдруг,
А потому, что Бога мы пропили.

И будет, кто горластей, тот умней.
Но ничего не дал бы я за слово,
Что не несет живительных идей
И что давно ни для кого не ново.

1990

Девяносто первому году

Новогодних елок свет, как прежде,
Брезжит в полумраке колкой вьюги.
Кто-то смотрит в даль еще с надеждой,
Кто-то сник и съжился в испуге.

Кто-то под торжественное пение
К сапогам пристегивает шпоры –
Не дремать! Но дай нам, Бог, терпения
Не пальнуть из крейсера «Аврора».

Точит разум дух опустошения,
И крылатый конь еще стреножен –
Развязать! Но дай нам, Бог, умения
Шашек не выхватывать из ножен.

Первый год последнего десятка,
Накануне встречи двух столетий,
Знаем, будут дни твои несладки,
Но желаем: будь хоть в чем-то светел.

1990

Экология

Здесь деревьям уже не напиться
Не отравленной, чистой прохлады.
Зелень высохла. Вымерли птицы,
Но остались ползучие гады.

Но остались бескрылые твари,
Потому что ползут, извиваясь,
Потому что живут, пресмыкаясь,
В этом проклятом богом тартаре,

Потому что, сплетаясь клубками,
Образуют ужасную силу.
Одолеть их пустыми руками
Никому не дано – не под силу.

Потому что умело на диво
Здесь загублен последний источник,
И уже в облаках сиротливо
Не мелькнет дальних птиц многоточье.

1990

***

Окно приотворю: так воздух свеж...
Июньский снег, на странный сон похожий,
Едва не скачет мерзнувший прохожий,
Кляня прогноз и призрачность надежд.

Прозрачный полог ляжет от крыльца
До края улиц медленно и зыбко -
Былой зимы несмелая улыбка,
Которая вот-вот сползет с лица.

И будет долгим-долгим бледный день,
Ползущий неотступно к смуглой ночи,
Которая быть звездной не захочет -
Такой период, а не просто лень.

1991

Лесное скерцо

Здравствуй, лес, я в гости снова.
Хоть березы стали выше,
Не достать им кроны сосен,
Шелест падающих шишек
Слышен справа, слышен слева -
То русалка или нимфа,
Словом, сказочная дева,
Возродясь из древних мифов,
Все шалит, играя с пришлым,
Манит клюквенным рубином,
Хмель ее объятий пышных -
Не чета крепленным винам.
Манит к травам изумрудным,
Норовит прилечь заставить,
Коль душой не будешь скудным,
Может все тебе оставить.
Для тебя плоды и воды,
Что берешь - она все видит,
Но не бойся, царь природы,
Будешь нежным - не обидит.
То ли быль все, то ли небыль:
Дар - в корзине, радость - в сердце,
Ничего, что в дырах небо,
Спой мне, дождь, лесное скерцо.

1991

***

Шепчущий ход будильника
отпугивает тишину.
Странно сидеть невольником
у себя самого в плену.
Трудно себя допрашивать
на предмет собственной принадлежности
к миру, к его безбрежности,
к глухой ко всему неизбежности
и, отвечая, не приукрашивать.
Тень угрюмого телефона,
как печальная птица
с гравюры Тадасигэ Оно.
Люстра, цветы в горшочках
и прочее –
три запятых и точка,
настроение совсем не рабочее.
Галерею предметов без человека
можно поставить себе в вину.
Можно нарисовать Рим,
Иерусалим и Мекку,
нашу Москву или всю страну,
но все почему-то
напоминает войну.
Может быть, всем нам так и надо:
злость, выстрелы глаз, слов канонада.
Дальше – хуже: руины Багдада,
«горячие точки» -
земные подоби́я ада.

Понимаешь, действительно, все бывает,
кроме чудес, наобещанных всем.
Каждый день медленно нас убивают,
пока как-нибудь не убьют совсем.
Словно в фантазмагории Босх,
окно уродует изображение.
Тишина наступает и сушит мозг
до его полного изнеможения.

1991

Одиночество

Если ты устал, ослаб и сник,
Миг - и одиночество накатит
Черной тенью, давящей цветник,
Гаснущий, как небо на закате;
Желтым светом, тянущимся с крыш,
Вязнущим в холодной занавеске,
Памятью, в которой ты хранишь
Суть и цвет, как время - в древней фреске;
Одолест, выжмет до седин,
Разделяя душу, мысль и тело,
И когда поймешь, что ты один,
То ни до чего не будет дела.
Одному, блистающий окрест,
Мир с его провалом и вершиной
Нужен, как покойнику оркестр,
Топчущий дорогу за машиной.
Сумрак улиц, коробки домов -
Все вокруг бессмысленностью станет.
Как в нелепых сказках зыбких снов,
Ничего тебя уже не ранит,
И надрывный не раздастся крик
В лад с иерихонскою трубою,
Только твой назойливый двойник
Злобно посмеется над тобою.

1991

Весна в Сургуте

Весна в Сургуте – северный каприз,
В ней, как всегда, весеннего немного,
Ты кофе пьешь, отчитываешь Бога
И сквозь двойные стекла смотришь вниз

На серое остеклененье луж,
Вчера еще морщинистых от ветра,
Здесь, с высоты примерно восемь метров,
Взглянув, промолвишь «да-а» с добавкой «уж».

На ближнем плане чахнувшая ель,
На дальнем – островки бывшего бора,
В три четверти кинотеатр «Аврора»
Похож на судно, севшее на мель.

Еще ни разу не было дождя,
Не говоря о молниях и громах.
Из-за угла изогнутого дома
Метет поземка улицей вождя.

Ты медленно задергиваешь даль,
Упрятав интерьер за занавеской,
И в свете бра, похожая на фреску
С мадонною,
читаешь «Жерминаль».

Летний вечер

Солнце катится в изгнание,
День тускнеющий не жалко,
Пахнет томною фиалкой
Желтизна твоих волос,
В этом запахе дыханье
Вечереющего сада,
Трель загадочной цикады,
Робкий проблеск первых звезд.

1992

Видение

Я один бреду по облакам.
Синева с оранжевым отливом
Разлилась над местностью тоскливой,
Навеяла грусть моим строкам.
В томном блеске гаснущего дня
Из теней, крадущихся с востока,
Тяжело и так же одиноко
Черный всадник скачет на меня.
Таёт дымка, мерно сквозь нее
Прорастают темные доспехи.
Лих седок! Но мне не до потехи -
Метит в грудь тяжелое копьё.
Стынут жилы, пальцев не разжать,
Высь клубится, конь свирепо дышит.
Закричать? Но кто меня услышит?
Поздно и молиться, и бежать.
Он навис, и сделалось темно.
Час настал. Судьбу не проклинаяю.
Здравствуй, всадник! Кто ты - я не знаю,
Но тебя предчувствую давно.

1993

С холма

Я стоял на вершине холма,
А вокруг овладела пространством
Белизна. Так нехитрым убранством
Очищает и лечит зима.
Вот заря распластала свой стяг,
День вставал из всенощного праха,
И какая-то малая птаха
Трепетала в сосновых ветвях.
Я смотрел, оторваться не мог -
Светел миг, в неподвижности, в беге ль,
Ведь Всевышний рисует, как Брейгель
(Или Брейгель творил, словно Бог).

1999

***

Мы все поселимся на юге –
Нам территория позволит.
Забыв стремительные вьюги,
Погреемся на солнце вволю.

Мы нефть и газ оставим вахтам,
А города - собакам диким.
Развеют злые ветры в прах там,
Дома, мосты, святые лики.

В том есть резон, политик знает:
Мы Север перенаселили.
Он, к счастью, только начинает
И воплощать пока не в силе.

1995

***

Сквозь декабрьские метели
К январю спешит зима.
Будут скоро сосны, ели
Мишурой блеснуть в домах.

То не ветры хвою треплют,
Слышны крики у реки –
Там по лесу ходят цепью
С топорами мужики.

Что, колючая, покорно
Ты склонилась и дрожишь?
Держит почва? А без корня,
Как и с ним, не убежишь.

Ветви пышны, ствол не шаткий,
Для кого-то – божий дар.
И вот этот, в рыжей шапке,
Нанесет сейчас удар.

В теплом доме, елка, грейся,
На пол иглы не бросай.
Но, родная, не надейся
Стать похожей на бонсай...

После праздничной запарки,
Новогодних шумных дней
Поразишься: сколько в парках
Вместо елок черных пней.

1995

Ночная птица

У меня в душе гнездится
Птица огненного цвета.
Ей на месте не сидится
От заката до рассвета.

Тормошит, уснуть не хочет,
Бьет тревожными крылами,
Суетится и хлопочет,
Озабочена делами.

Призрак дня светлит оконце.
Успокойся, пламя-птица.
Мне от первых звезд до солнца
Третий раз уже не спится.

1995

***

Отблеск заката погаснуть не хочет.
Вновь надо мною кружатся они:
Белою стаею – белые ночи,
Черною стаею – черные дни.

Снова бессонницей город страдает,
И в моей комнате тень на стене
То появляется, то исчезает.
Может быть, все это чудится мне?

Вот силуэт, и его узнавая,
Не говори ничего сгоряча.
Разве не часто мы, все забывая,
Зло и безжалостно рубим сплеча?

Не бреди меня, отблеск заката,
Не навевай ощущение вины,
Но все яснее, что было когда-то,
И отделяется тень от стены.

Разум, не дремли же, так не бывает.
Неосторожное сердце, молчи!
Отблески памяти пусть догорают
Не догоревшим огарком свечи.

1995

***

Свет фонарей в окно сквозит немножко,
На подоконнике прядет ушами тень.
- Симона, спишь? (Симона - это кошка.)
Она не спит, но ей ответить лень.
Шуршат часы, и улица доносит
Далекий гул полночного авто,
Собачий лай недремлющего просит
Внимать ему, но это все не то.
Но вот пространство густо зацветает
Дрожащим блеском тысячи свечей,
Смолкает все, и в воздухе витает
Совсем другая музыка ночей.

1995

***

Куда улетают халеи,
Когда наступает зима,
Березы от холода млеют,
И рано сгущается тьма?

Виденья куда исчезают,
Когда наползает рассвет,
И звезды над крышами тают
(Проснешься - а их уже нет)?

Куда наши весны уходят,
Сменив половодьем снега?
А воды спадают, и входят
Все реки в свои берега...

1995

***

И ночь прожить – не поле перейти,
Когда враждебна каждая песчинка
И целый мир с отвратною начинкой,
А мысль уводит с гладкого пути.

И вот ты камнем падаешь с моста
Под поезд, укорачивая время.
Зачем твоей душе такое бремя?
Закрой глаза и досчитай до ста.

И не ходи под утро в синем платье
Туда, где слышен гул и льется свет.
Ну, кто поймет, что дело не в расплате
За те грехи, которых просто нет?

Часы стучат. Становится виднее,
Но так тревожно, будто неспроста,
На стуле платье новое синееет...
Закрой глаза и досчитай до ста!

1995

***

Поднимаюсь я бодро в дремотную рань,
На окне у меня хорошеет герань,
В новой клетке большой канарейка звенит,
На широкий простор тянет утра магнит.
За кварталом уже начинается лес,
В нем березы и сосны растут до небес,
Лето выдалось доброе в этом году,
Я в спортивном трико на природу пойду.
Хорошо по траве пробежаться трусцой,
Встречный ветер прохладой омойет лицо,
Будут вольные птицы раскатисто петь -
Это просто совсем, стоит лишь захотеть.
Выхожу на балкон я, надевши трико.
Что-то нынче прохладно, и лес далеко.
Канарейку кормлю, поливаю герань,
Ну, чего побегу я в такую-то рань!

1995

***

Ускорилось вращение Земли.
Лишь только вечер был – и вечер снова.
И ничего уже не стоит слово,
И чувства, словно барки, на мели.

1996

У Ван Гога

Раз не ладится стих
    (впечатлений так много),
У святого порога
    написал бы эссе.
Но всего не постиг -
    загостил у Ван Гога,
В лабиринтах у Бога -
    в знаменитом д'Орсэ.
Может, Господи, мне
    выдашь рифму авансом,
Хоть на "Полдень в Провансе"...
    Мне б себя превозмочь.
Явно или во сне
    пусть мне будет по вере.
Эта "Церковь в Овере",
    эта "Лунная ночь"...

1996

Память о Париже

В городе Золя, Саган и Сартра
Ты, с глазами неба голубей,
На широкой лестнице Монмартра
Кормишь суетливых голубей.

Постигая вечное воочию,
Пропадаем в Лувре и д'Орсэ,
Огненная башня яркой ночью
Нежится во всей своей красе.

Нас качает Сена, и все ближе
Эклектично сложенный Нотр-Дам... -
Я за эту память о Париже
Многое, наверное, отдам.

Светел Сакре-Кер на горизонте
За рекой с браслетами мостов.
У тебя в руках изящный зонтик
И букет оранжевых цветов...

1996

На Монмартре

Сентябрь. Закат.
Бульвар Монмартр в Париже.
К бумаге тихо тянется перо.
Отель. Балкон. Бульвар с него я вижу
Почти таким же, как у Писсарро.
Хотя у Писсарро позднее осень,
Желтей деревья, реже их наряд.
И не авто, а фэтон уносит
Кого-то, соблюдая правый ряд.
Чуть облачней, и солнце явно выше.
Оно уже за крыши не зайдет.
Читает пешеход одну афишу
Сто первый год.
А над моим балконом небо гаснет.
Внизу Монмартр включает фонари.
Его ко сну склоняет ночь напрасно -
Он не замрет, не стихнет до зари.

1996

Селенит

Я живу на Луне много лет.
Здесь не брезжит зарею рассвет,
Убегает стремительно тень –
Вот и день.

А как только взойдет синий круг
(Не объять его тысячей рук),
Снова я от него отвернусь –
Не вернусь.

1996

В Копенгагене

Транзит. Не отягченная делами,
Явив в металле блеск и наготу,
Она взмахнула быстрыми крылами
В столичном датском аэропорту.
Она едва коснулась пьедестала,
Мне все казалось, что вот-вот взлетит,
И в свете дня полупрозрачной стала -
Ей этого никто не запретит.
Ах, муза, муза, если бы могла ты
Сорваться с места, уловив момент...
Мы все в душе хоть чуточку крылаты,
И всех нас прочно держит постамент.
Склонись ко мне, мы вроде бы знакомы.
Заочно, правда, с головы до ног.
Но друг от друга слишком далеко мы,
Я вспомнить даже имени не смог.

1996

Эскиз

Ты со мной гуляешь вдоль прибоя,
Небо густо смазано закатом,
Волны след стирают за тобою
Шелестящим медленным накатом.
Отблеск солнца красит что встречает.
Вспоминая, вижу как теперь я:
Над водой кружится пара чаек
И роняет розовые перья.

1996

***

Сегодня украли даже луну,
С утра продадут на рынке.
Никто не заметит – все тихо уснут,
Товар же будет в новинку.

1996

В Стокгольме

В Стокгольме море далеко
вникает в сушу,
Старинный город глубоко
впадает в душу.
Резвясь, вращает флюгера
балтийский ветер,
Грустят сырые вечера
в пастельном цвете.
Так низко небо, что лежит
на острых шпилях.
И зелень скудная дрожит,
забыв о штилях.
Давно на рейде затонул
могучий "Васа".
Но густо тянутся в страну
морские трассы.

1996

В тундре

Тускнея, истекает алым светом
Над горизонтом солнца мутный шар.
И кажется пейзаж другой планетой,
И сумрак наплывает не спеша.

Кругом лишь снег. Пригорки багровеют,
Синеют тени дремлющих ложбин.
А ненцу тундра все-таки милее,
Чем суeta блистающих чужбин.

1996

В Хельсинки

На побережье холодно весной.
Залив качает лодки у причала.
Здесь центр страны, и здесь ее начало,
Здесь воздух пахнет морем и сосной.

Где Маннергейм снискал себе почет
В пылу забот, стране своей на славу,
Не проклинают ближнюю державу
И прошлому не предъявляют счет.

Здесь непочтения к памятникам нет,
Историю кроить – пустая трата.
И на Сенатской зябнет император,
Не по погоде ветреной одет.

1996

Предутреннее

Тускнея, истекает алым светом
Над горизонтом солнца мутный шар.
И кажется пейзаж другой планетой,
И сумрак наплывает не спеша.

Кругом лишь снег. Пригорки багровеют,
Синеют тени дремлющих ложбин.
А ненцу тундра все-таки милее,
Чем суета блистающих чужбин.

1996

Апрельская акварель

Дождь рисует лужи на дорогах
И людей, прикрывшихся зонтами.
Дождь рисует тщательно и много —
Неизменно грустными цветами.

Припустил — расплылись акварели,
Потемнели дымчатые дали.
Дождь рисует хмурый день в апреле,
И других цветов ему не дали.

1996

У Сибелиуса

Пасмурным утром дождливого мая
На суету туристических групп
Смотрит Сибелиус, молча внимая
Таинству музыки каменных труб.
Дождь издает шелестящие звуки.
Чудится: слышен печальный хорал.
Нем композитор, но были бы руки -
Он бы сыграл...

1996

У фонтана

У большого фонтана
В скандинавской столице -
Долговязые станы,
Сероглазые лица.
Где, косматы и грозны,
Жили викинги-предки,
У воды грациозны
Длинноногие шведки.

1996

Поздняя

Запоздала. Мерзнут крылья.
Долетишь? Не долетишь?
Бледный месяц тучи скрыли.
Беспредельность. Холод. Тишь.

Ночь сгущается. Устала.
Слышен посвист дальних вьюг.
Как от стаи ты отстала,
Улетающей на юг?

Отогреться доведется ль
В южном пальмовом раю,
Или все-таки придется
Околеть в родном краю?

1997

На вокзале

Томясь, изводится в страстях
Народа масса,
А дело, в общем-то, - пустяк:
Закрыта касса.
Я третий раз пью теплый чай,
Купил конфеты.
Чего метаться иль скучать?
Хвала буфету!
Толпа разбухла и кругом
Ползет, как тесто.
И в этом зале, и в другом
Все меньше места.
Стою в углу, гляжу в окно
На блики света.
Да, я уехал бы давно!
Но нет билета...

1997

***

Свою звезду на темном небосводе
Я узнаю в любом конце земли,
Когда в почет судьба меня возводит
И в дни, когда покоюсь на мели.
Едва она является над крышей,
Я восхожу к сиянию ее,
Внимаю миру, каждый шорох слышу
И точно знаю: это все мое.
В предвосхищенье яркого итога
Я мчусь вослед космическим ветрам
И каждой клеткой ощущаю Бога,
В которого не верю по утрам.

1997

Этюд облаков

За горизонт уходят облака,
Им никогда обратно не вернуться,
Они не могут даже оглянуться,
Чтоб посмотреть на нас издалека.
Что ж, уплывайте, призраки небес,
Игрушки ветра в зареве заката,
Как паруса печального фрегата,
Что из мечты разбившейся воскрес.

1997

***

Вечер солнце закатил
За вершины сосен,
В небе тысячи светил,
Как икра лосося.
Но не рассыпи икры
Заиграли светом -
То далекие миры
Шлют свои приветы.
Окна множества квартир
Вспыхнули в ответ им -
Там у каждого свой мир
И свои планеты.

1997

***

Сколько написали вы, поэты!
Ваших всех стихов не сосчитать,
Но все это скоро канет в Лету,
И никто не станет вас читать.

И никто не снимет с книжной полки
Томик од, сонетов и поэм,
Скажут: от поэзии что толку
В век крутых компьютерных систем?

1997

Сон Дали

На пике странного видения
Прыжок двух тигров в унисон –
Так на пороге пробуждения
Полет пчелы рождает сон.

Гранат рассыпчатый трещит, но
Треск переходит в рев и вой.
Нагое тело беззащитно
Перед пронзающей иглой.

Страшны клыки и когти остры,
А в розовеющей дали
Бредет один из дивных монстров,
Рожденных разумом Дали.

1997

Сургутской Авроре

На морозе, полуобнаженная,
Держишь ты в руке пустой кувшин,
Догорает небо, отраженное
В стеклах проезжающих машин.
Не взлететь. Напрасно крылья вскинуты
Тенью в электрических свечах,
Может, ими прикрываешь спину ты,
Давний снег не тает на плечах.
Сник закат багряный. Месяц молод, но
И ему придется отгореть.
Ты не мерзнешь - бронзовой не холодно,
Только зябко на тебя смотреть.

1997

***

Днем весенним, белым-белым,
Не по времени холодным,
Ты с ладошки кормишь белок,
Боязливых, но голодных.
Подкрепиться белкам надо,
С веток вниз они сползают,
Ты зверькам по-детски рада,
Только пальцы замерзают.

1997

Зима в Лянторе

На полотне холодного простора,
Дрожа, восходит яркая звезда.
Крадется тьма окраиной Лянтора,
Опасливо скользя по глади льда,
Укрывшего недавно воды Пима.
Сжимаются пределы зимних дней,
И наплывает ночь неотвратимо,
И тонет город в россыпях огней.

1997

Метель

Сегодня в городе метель,
Трепещут сосны, гнется ель,
Едва заметны фонари,
Все смутно, сколько ни смотри.
Меня домой ведет тропа,
Она чуть шире, чем стопа,
А снег по-прежнему валит
На Черный Мыс и Арболит,
На Набережную, на храм,
Недавно выстроенный там.
Я будто в снежном шалаше,
Но как-то радостно душе,
И в такт шагам она поет.
Метель метет! Метель метет!

1997

Морозной ночью

Мерзнут пальцы. Сегодня - за сорок,
Снег пушист и приятно хрустит,
Горизонт заалет не скоро,
Старый лес на пригорке грустит.
Неизменна и в зиму, и летом,
Этой ночью ясна и полна,
Истекая таинственным светом,
В черном небе застыла луна.
На разлапистых ветках иголки
В лунном свете, сверкая, манят,
И стоят, как стеклянные, елки,
Так и кажется: тронь - зазвенят.

1997

На рыбалке

Дрозда раскатистое пенье
Доносится издалека,
Наружу рвется в нетерпенье
Немая песня рыбака.
Рыбак и вслух бы спел, да ветер
Над речкой песню разнесет,
Возможно, дрозд ему ответит,
Но в глубину уйдет осетр.

1997

Белая ночь

Закат не гаснет. Ночь теперь похожа
На спящего с открытыми глазами.
На улице иссяк поток прохожих,
Все, как и прежде, только город замер.
Затих в уже привычном ожидании
Любой причуды северного лета,
И в окнах девятиэтажных зданий
Играет отблеск солнечного света.

1997

На Югане

В путь отправляемся рано
Тянется след от винта,
Воды Большого Югана
Гладят стальные борта.
Чайка над стреженом реет -
Птице раздолье везде,
Краешек солнца не греет,
Блики горят на воде.
Издали кажется, будто
Звезды всплывают со дна,
Катер идет до Угута -
Вот уж и пристань видна.

1997

Освоители

Они уходили в тайгу,
Где вечны: тайга и болота,
И был им поселок Сургут
Надежным и верным оплотом.
Под резкие посвисты вьюг,
Сквозь рек темно-бурые воды,
Тянулись на запад, на юг
Стремительно трубопроводы.
Сургут развивался и рос,
Вставали другие поселки,
Где долгий свирепый мороз
До звона выстуживал елки.
От трудных, но славных годов
Остались итогом свершений
На картах кружки городов
И контуры месторождений.
Нефтяники, газовики -
Посменные вахты рабочих
В бассейне могучей реки,
Где летние белые ночи,
Где зимние сумерки дней,
На стыке веков год от года,
Как прежде, дают газ и нефть
На благо страны и народа.

1997

Ранней весной

Где-то травы взошли, и цветы
Распускаются, радуя взгляды.
А у нас? Ах, весна, разве ты
Не успела погладить наряды?!

Солнце выбралось, как на парад,
Даже ветер насыщен лучами.
Каждый миг свету яркому рад,
Но крепчают морозы ночами.

И снега не спешат убежать
По проталинам быстрой водою.
Им в лесах еще долго лежать
Под холодной полярной звездой.

Пусть недавно метели мели,
Ощущают береза с сосною
Пробуждение мерзлой земли,
Да и в воздухе пахнет весною!

1997

Раздумье

То монотонность, то контраст.
В заботах вертятся лета.
Но, если прав Еклезиаств,
На кой нам эта суета?

А пожелаем перемен –
Все будет хуже во сто крат.
Но каждый в бочке – Диоген,
А кто лысее – тот Сократ.

Талдычат каждый о своем,
Но, в общем, - это все одно,
И мы заздравные поем,
Идя на дно.

1998

Церковь

В деревне выросла церквушка
Морозной раннею весной,
С крестом на купольной макушке,
И пахнет свежею сосной.
Стройна, с двускатной светлой крышей,
Нет краше здания окрест.
Деревня сразу стала выше
На целый купол. И на крест.

1998

***

Я сегодня отчетливо слышу
Потаенную музыку лир -
То не ветер деревья колышет,
А блаженство нисходит на мир.
Тихо солнце вдали закатилось,
Приуныли на миг небеса,
Робко смотрит ночное светило
На зубчатые тени-леса.
К горизонту склонившийся вечер
Мед заката уже долакал,
И плывут первым звездам навстречу
Фиолетовые облака.

1998

Драма

Ты одна моя отрада,
Мне другой уже не надо,
Я тебе открою душу,
Чувства нежные храня.
Но, пройдя неспешно рядом,
Ты меня застрелишь взглядом
И уйдешь, не оглянувшись,
В свете меркнувшего дня.

1998

Бабочка

Я поймаю бабочку в лесу,
Где течет ручей, поющий звонко,
Бережно до дома донесу
И проткну насквозь иглою тонкой.

Крылья ей расправлю, засушу,
Яркую, с оранжевым узором,
Под стекло приклею, подпишу,
Чтоб во всей красе предстала взору.

Ей потом, конечно, не летать,
Где играет ветер с гибкой ивой,
Но она не сможет перестать
Быть, как прежде, сказочно красивой.

1998

Сумерки

Горизонта полоска неровная
Гаснет - сумерки не превозмочь,
И встает из-за леса огромная,
Непроглядная вязкая ночь.
Окна спят. Фонари изливаются
Яркой желчью, да света не впрок,
И мохнатые тени скрываются
За стволами осин у дорог.

1998

Охота на собак

За кустом таится что-то,
В тишине крадется кто-то,
И ночами на болотах
Раздается жуткий вой,
Или слышны шумы драки –
Это все отнюдь не враки:
Одичалые собаки
Бродят возле буровой.

По следам большим оленьим
Со всех ног бежать не лень им,
Остаются от оленей
Лишь копыта да рога.
Вот такие псовы трюки –
Не даются, злыдни, в руки,
Человек, конечно, друг им,
Но свобода дорога.

Пусть не нужен личный страж нам,
Все равно немножко страшно.
Может, псы всего мираж, но...
Лучше двери - на засов.
Это случай не забавный,
Приказал наш местный главный,
И отряд собрался славный
Отстрелять коварных псов.

Невеселая работа
Эта странная охота.
Не смогла бы даже рота
Стаю разом истребить,

Ведь собака точно знает,
Что у нас, людей, бывает,
Что играет, что стреляет
И чего не может быть.

Над тайгою сумрак тает.
Стая словно улетает,
Но лохматый, что хромает,
Вдруг метнулся не туда.
Подкачала сила духа,
И влетела пуля в ухо,
Как проруха на старуху,
Так на рыжего – беда.

Не за ним лишь смерть явилась,
Белая остановилась,
Диким воем закатилась:
Жалко рыжего до слез.
И стояла в бледном свете,
С горя даже не заметив,
Как осенний влажный ветер
Семь дробинок ей принес.

Дальше людям нет дороги,
У погони мерзнут ноги,
И охотники в итоге
Все повесили носы:
Не достать теперь. Чего там...
Все прошло бы как по нотам,
Но уходят по болотам
Недострелянные псы.

Времена года

Вновь зима на приобских просторах,
И ложатся обильно снега
На высокие крыши Лянтора
И на берег реки Тром-Аган.
Все проселки, тропинки, дороги,
Завывая, метель замела.
Увязают колеса и ноги —
Труден путь от села до села.

Потому так весна дорога нам,
Вдаль ручьи с перезвоном бегут
Через лес до Большого Югана,
Где раскинулся старый Угут.
А потом надуваются почки,
В бесконечном таежном краю
Зеленеют болотные кочки,
И раскатисто птицы поют.

Вот береза наряд свой надела,
Поют землю грибные дожди,
Только клюква пока не созрела —
Ты немного еще погоди.
Яркий свет льется на Русскинскую,
Так тепло и легко на душе,
Нам бы дольше погоду такую,
Но кончается лето уже.

Облетели цветы иван-чая,
Скоро станут и воды реки,
И попрятали федоровчане
Свои ягодные рюкзаки.
Ярки вечно зеленые елки,
Но с берез опадает листва,
Погрустнели немного поселки,
И уже побелела трава.

1998

Лето

Лишь только сходят вешние снега,
Цветным салютом вспыхивает лето,
И сразу столько благостного света
На обские спадает берега.

Желтеют одуванчики в траве,
И теплый ветер медленно качает
Над Обью силуэты белых чаек,
Таких приметных в яркой синеве.

Речные волны катятся на мель,
Когда проходят мимо теплоходы,
И на посадку медленно заходит
Над пышным лугом ярко-желтый шмель.

Но короток здесь благостный сезон,
Холодный дождь остуживает быстро.
На гребнях волн, тускнея, гаснут искры,
И кажется, что лето – просто сон.

1998

Осень на Тром-Агане

Сентябрь тепло с собой унес,
И ветер, силы не жалея,
Под крик настырного халея
Горстями листья рвет с берез.
Сосна качает головой,
Везде - от края и до края -
Рябины, тихо догорая,
Все реже шепчутся листвою.
Повеяв легкою тоской,
Несмелый снег сорвался рано
На блеклый берег Тром-Агана
И на лобазы в Русскинской.

1998

***

По равнине белой тянутся
Деревянные столбы.
Мы умрем, они останутся,
Словно линии судьбы.

Их не считано количество,
До деревни держат ряд,
Только нет там электричества,
Лампы в избах не горят.

Не несут столбы добротные
Ничего и никуда –
С них недавно безработные
Посрезали провода.

1998

***

Полная луна царит над миром.
Пой, кружись, неистово кричи -
Мы - два неменяемых вампира,
Над землей мятущихся в ночи.
Где-то кол осиновый строгают -
Быть бессмертным можно ли посметь?
Но, прошу поверь мне, дорогая,
Чем ползком по жизни, лучше смерть.
На исходе нечего итожить,
Если мудрых сказок не слагать,
Лучше быть за гранью. Ну и что же,
Если это способ не солгать.
А стрелки давно наизготовку,
С неотступной мыслью в головах,
И глядят угрюмые винтовки,
И уже бессмысленны слова.
Поклониться выстрелу смогу ли? -
Нам с тобой поклоны не подстать.
И свистят серебряные пули,
Чтобы нам над миром не летать.

1998

Потоп

На улице днем непогожим
Проезды дожди затопили,
И стали на лодки похожи
Сургутские автомобили.
На реки похожи дороги,
Течением неистовым полны,
И катят прохожим под ноги
Холодные серые волны.

1998

В парке

Иней на травах тает. Ярчает зелень.
Первые листья, падая, льнут к асфальту.
Осень берез касается еле-еле,
В крошево малахита вкрапляя смальту.

Солнце обводит парк полусонным взглядом
Вплоть до реки, а дальше пространство голо.
Тонкими лапками, с огненной клумбой рядом,
Чертит в песке узоры снующий голубь.

Душу бодрят зеленые закоулки.
Утро такое выдалось не напрасно,
И, каблучками стук издавая гулкий,
Тает в аллеях девушка в шарфе красном.

1999

Встреча в горах

В горах я теплым вечером бродил,
Где воздух свеж (приморского не плоше),
Как призрак, вдруг коричневая лошадь
На тропке показалась впереди.

В вершинах дальних гасли краски дня,
Тропа, петляя, к склону тесно жалась,
Сгущался сумрак, лошадь приближалась,
Из-под бровей взирая на меня.

Невольно сердце замерло в груди,
Когда она слегка посторонилась
И очень четко (это не приснилось)
Сказала мне: «Не бойся, проходи!»

И я перекреститься был готов –
Кто ж в наважденьях дьявольских не струсит, -
Но со словами «лошадь не укусит»
Ее хозяин вышел из кустов.

1999

***

Серп, закатом обожженный,
В окна светит с высоты.
Кошка смотрит напряженно
В зыбкий сумрак пустоты.

Наблюдается квартира
Виноградинами глаз:
Кошка видит грани мира,
Недоступные для нас.

Может, в комнате с балконом,
Нарушая мой уют,
Вопреки земным законам,
Звери жуткие снуют.

Может, к нам в жилища вхожий,
Но невидимый вовек,
Мне нахально корчит рожи
Иномирный человек.

Может, здесь проходят жрицы
Из глубоких субпространств,
Или пляшут танцовщицы
В дивном кружеве убранств.

Поздней ночью все возможно,
Кошка смотрит, вздыбив шерсть,
И становится тревожно:
В спальне точно кто-то есть.

**“Еще горят
на храме купола...”**

2000-2006

Закат

Черные птицы
на красном снегу,
Солнце садится
на том берегу.
Запад в пожаре весь.
Теплится пусть
В гаснущем зареве
светлая грусть.

1999

***

Меняя облик матери-Земли
Во благо человеческого рода,
Мы научиться так и не смогли
Жить в постоянной близости к природе.
И в ящиках, где птицы не слышны,
Проводим время будней окаянных -
Живем в бетонных, ездим в жестяных,
В конце концов, почием в деревянных.

1999

Буря

Дерево трется о крышу,
Плачет с порывами ветра.
Ветреной ночью я слышу
Плач тот за несколько метров,
Что отделяют от крыши
Темную спальню с кроватью.
Буря за окнами дышит,
Пробую спать я.

Но ничего не выходит,
Ветер осину колышет,
Дрожь через крону проходит,
Дерево трется о крышу.
Жалобный стон раздается.
Буря, уймись же, довольно!
Ветер надрывно смеется,
Дереву больно.

2000

***

Еще горят на храме купола,
Табло часов показывает полночь,
А жизнь течет размеренно и полно,
И гладь реки задумчиво светла.

Рассыпать звезды вечер не сумел.
Бессонницей страдающая птица
На фонаре бессмысленно ютится,
Восходит месяц, бледен и несмел.

Спуститься черной ночи не пора ль?
Но долго догорает день вчерашний
В порозовевших гранях синей башни,
Похожей на космический корабль.

2000

Урман

Между бурых болот заплутала тропа,
Уводя в неизвестность.
В дымке палевой город бесследно пропал,
Стала сумрачной местность.

Там, в лесной полосе, где бродил я один
Вдоль болотной трясины,
Гас пунцовый закат, блекли гроздья рябин,
Облетали осины.

А с побережья реки, где теснился урман,
Сохранявший убранство,
По траве набегал синеватый туман,
Пожирая пространство.

Из клубящейся тьмы донеслись голоса,
Холодящие вены,
Будто в дальних, густых, непроглядных лесах
Звонко пели сирены.

Я пошел напролом - вдруг затихли они,
И тумана не стало.
Меж деревьев уютно блестели огни
Городского квартала.

Но все чудилось мне в полуночной поре,
Как в объятьях дурмана, -
То ли шорох дождя, то ли пенье сирен,
То ли шепот урмана.

***

Жизнь порой неистово любила,
А порой безжалостно лгала,
Изгалялась, пестовала, била,
Словом, обходилась, как могла.

Мы самих себя давно изжили
В беспросветных суетных делах,
И иные головы сложили
За набор стандартных бранных благ.

Но из прорвы канувшего в Лету
Яркой вспышкой видится во мгле:
Старый снимок в рамке, краски лета
И букет фиалок на столе.

2000

***

Уходит век. В разгромленной стране
Мы вновь живем надеждами на чудо.
А мир похож на бредни Голливуда
Или на сон, что часто снится мне.

Благие речи множат пустоту,
Умалчивая суть эксперимента,
И остаются истиной момента:
Горящий дом и танки на мосту.

2000

Миллениум

Свет сочился тихо, мерно,
Гасли дальние светила,
К девяти часам, примерно,
Ночь рассвету уступила.

День родился белоснежный.
В чуть дрожащей сизой дымке
Розовело небо нежно
На морозе-невидимке.

Месяц ежился устало,
Тут и там порхали птицы,
А прохожих было мало –
В час такой приятно спится.

Примирившись после драки,
Что не хуже шерсти греет,
Дружно бегали собаки –
Утро вечера добрее.

Пылью изморозь слетала
С веток, свисших, словно плети.
По дорогам и кварталам
Шел последний день столетья.

2001

***

Тихий вечер января,
Кормит мальчик сизаря,
Пышный кедр на берегу
Весь в снегу.

Скоро парк накроет тень,
И умчится зимний день,
Так уходят и года
В никуда.

Плавню крышку открыв,
Я настрою объектив,
Щелкнет старый друг и брат
Аппарат.

Он меня не подведет,
Десять, двадцать лет пройдет,
Я открою свой альбом,
Ну, а в нем:

В небе яркая заря,
Кормит мальчик сизаря —
Этот миг и кедр в снегу
Сберегу.

2001

Приобская ночь

Звезды над Пимом – ярчайший хантыйский бисер.
В Кассиопее застыли рога оленьи,
И тишина отдается в безбрежной выси
Неугомонной, едва уловимой звенью.

Пара медведиц на небе виднее прочих
Ярких созвездий. И именно в эту пору
В каждом движении летней приобской ночи,
В реках, лесах и звездах таится Торум.

2001

***

Грейдер счищает снег.
Вместе с ним – следы
Птиц, человека, собаки,
а, может, - кошки,
Рыскавшей, чтоб найти
хоть чуть-чуть еды.
Легче пернатым –
они подбирали крошки.

Беглый набросок событий
былого дня
Счищен до грунта,
но все повторится снова:
Следом за грейдером снег,
белизной маня,
Густо ложится –
и полотно готово.

2001

Напутствие

Слышишь, в поле что есть силы
Ветры злобные поют.
Ничего не бойся, милый, –
Все равно тебя убьют.

Видишь, в небе свечи ставят,
И закат устал алеть,
Все равно тебя заставят
Боль и страх преодолеть.

Все равно пойдешь дорогой,
Предначертанной судьбой.
Одного проси у Бога:
Силы-воли быть собой.

Яркий месяц, в тучах скройся.
Душу грей, ночной уют.
Никого, родной, не бойся –
Все равно тебя убьют.

2001

***

За чисто вымытым окошком
Присел пушистый воробей.
К нему крадется тихо кошка:
Чуть-чуть левей. Теперь правей.

Но не спешит скрываться птица.
Пусть время бегства истекло,
Пернатый кошки не боится —
Надежны рама и стекло.

2001

За час до рассвета

Померкли светила.
За час до рассвета
Тоска откатилась
И сгнула где-то.

И тихо так стало,
Спокойно и ясно,
Лишь муза металась
Во мгле – не напрасно.

За час до рассвета
Я понял: все просто,
Не надо ответа –
Довольно вопроса.

2001

Бессонница

Вторую ночь не пишется, не спится,
А на дворе дожди и холода.
Грядет рассвет, и хочется напиться,
Но и не пьется - вот она, беда.
Томит желанье к музе прикоснуться,
Я слышу крыльев шелест неспроста,
Она близка, но стоит шевельнуться, -
Пространство поглощает пустота.
Наверно, чей-то тайный злобный гений
Так неотступно мучает меня,
По комнате вдоль стен крадутся тени
И вспыхивают отблески огня.
Я в странность бытия пытаюсь вникнуть,
Стремясь постигнуть призрачную суть,
А тени тают, чтобы вновь возникнуть,
И мне уже во снах не утонуть.
Я, поднимаясь, зажигаю свет.
Скорей бы окна озарил рассвет.

2001

***

Сквозь день весенний ты бредешь.
Так ярко краски. Гулки звуки.
Деревья тянут к небу руки
И ловят ими теплый дождь.

И пахнет свежая листва
Слегка пьянящим липким соком.
Тебе уже не одиноко,
Лишь чуть кружится голова.

Порой из облачных щелей
Небесный свет сочится зыбко,
И с каждой солнечной улыбкой
Душе становится светлей.

2001

Тоска

Говорю на грустном языке,
Ожидая скорого забвенья,
Чувствую: как листья по реке,
Уплывают вечности мгновенья.

Жаль, судьбы негаданный изгиб
Не привел к желанному ответу.
Если бы корабль мой не погиб,
Я б вернулся на свою планету.

2002

***

Жизнь приземленная, убогая
Обычно нам прощает многое,
Прощает многие превратности,
Но не простит неадекватности:

Неадекватности обычному,
Непоклонения привычному,
Неподчиненности уставу,
Несоответствия составу.

Она накажет обязательно,
Чтоб это было назидательно,
Чтоб это было убедительно,
И для других не удивительно.

2002

Предчувствие

Мы не будем пить за тех, кто в море,
Потому что моря больше нет.
А земля в космическом просторе -
Лишь одна из вымерших планет.

Лишь одна из многих, неживая,
И над ней закатам не алеть.
Как же мы могли, всего желая,
Ничего на свете не жалеть?!

2002

Аллегория

В серый день осеннего ненастья,
Ничего на память не даря,
Улетало призрачное счастье
Вслед за редкой медью октября.

Так поспешно вписываясь между
Узких рам, и бешено кружа,
Уносило зыбкую надежду
Из окна седьмого этажа.

Не горюй. Что выпало на долю,
То и предстоит испить до дна.
Счастьем тоже хочется на волю,
Даже если дверь туда одна...

2002

Настроение

Стада машин, бредущие в час пик
По перекресткам, нагоняют скуку.
Снег на обочинах скукожился и сник,
Вдруг вздрогнет почва, повинувась звуку,
Что гулко задает привычный ритм —
То в мерзлый грунт вколачивают сваю,
Унылый диск над улицей горит,
На поиск гонит голод птичью стаю.
Так долгою зимой из года в год
Уходит жизнь по скользким тротуарам.
Так десять лет, и двадцать лет пройдет,
И станет опостылевшим и старым
Вот этот дом, дорога, город весь,
И хочется до истечения срока
Упрятаться в какую-нибудь весь,
Крапая сокровеннейшие строки,
Которым не явиться в суете,
Что постоянно источает город.
И мнится: вот родятся строчки те,
Которые способны сдвинуть горы.
Но выжат день. Один из тысяч дней.
Поток машин редееет. Вбита свая.
Крадется тьма вдоль улиц, и за ней
Грядет метель, сердито завывая.

2003

Сказка теней

Трели цикада выводит в тиши нам.
Грустно. Ты не обернешься ко мне.
Лишь за окном проезжает машина —
Тени деревьев бегут по стене.

Всполохи фар в темноте на мгновенье
Высветят лица унылые, но
Наши с тобой отдаленные тени
В беге сплетаются в нечто одно.

Видно, судьбе наших мук не хватает,
Но то и дело смеется над ней,
Сумрачных два силуэта сплетая,
Добрая сказка театра теней.

2003

В Каталонии

Ярким светом льется солнце
На счастливых каталонцев.
Барселона, пальмы, горы,
Море, яхты, паруса,
Музыкальные фонтаны,
Гауди (довольно странный),
Виноградников просторы
И другие чудеса.
О проблемах – не хлопчешь.
В ресторанах – все, что хочешь:
Вина, пиво, водка, виски,
Крабы, раки и треска.
Не придумать отдых лучше,
Но в итоге все наскучит,
И мрачней болот сибирских
Станет южная тоска.

2003

Девушка и смерть

Февраль подвел зимы итоги,
Но люди – в шубах и в пальто.
В сугробе сникшем, у дороги
Стоит разбитое авто.

Толпа. Вопросы, кривотолки,
Советы – все, как повелось.
Стекла блестящие осколки
Вплелись в бесформенность волос.

Зачем ты, милая, спешила,
Не соблюдая нужный ряд.
Наверно, ты еще не сшила
Свой первый свадебный наряд.

Недавно страстно сердце билось.
Теперь стекает кровь со лба.
Так рано смерть к тебе явилась
У придорожного столба.

Как прежде, светел взгляд застывший,
Но нем полуоткрытый рот.
И, состраданье проявивший,
Уныл, расходится народ.

Так впечатлений тяжких много,
Что лучше было не смотреть.
Весна. Промозглый день. Дорога.
Машина. Девушка. И смерть.

2003

Летом

Зыбким летом с просторов России,
Торопясь, устремляемся вдаль мы,
В чудный край абрикосово-синий,
Где растут кипарисы и пальмы.

Где песок не бывает холодным,
А закат апельсиново-нежен,
Где загар не считается модным,
Просто он в тех краях неизбежен.

Легкий бриз там небрежно срывает
Хлопья белые с аквамарина,
И так быстро в тепле созревают
Вина, женщины и мандарины.

От страстей и от солнца стораю,
Мы стремимся насытиться югом,
Потому что из южного рая
Возвращаемся к северным вьюгам.

2003

Непогода

У крыльца, как в тине, вязли ноги.
Старый дом скукожился – продрог.
За селом размыло все дороги.
Впрочем, там и не было дорог.

Хмурый вечер брел по хлюпким лужам,
Ветер гнул древесные стволы,
Дождь хлестал вовсю - чего уж хуже.
Все село казалось нежилым.

Лишь веселый, выпивший немножко,
Пел Иван, что жил невдалеке,
Под надрывный скрип своей гармошки
Про утюг, плывущий по реке.

Да под грома гулкие раскаты,
Пребывая в злобе и тоске,
Мокрый пес, хрипя, ругался матом
На своем собачьем языке.

2003

Встреча

Еще вчера ты вышел из запоя,
И вот уж день ни капельки во рту.
Четвертый час у магазина стоя,
Ты чувствуешь в карманах пустоту.

А, впрочем, нет. Немного перепало,
Но, в целом, мелочь – душу не спасти,
И так тебе тоскливо, грустно стало,
Хоть грабь прохожих (Господи, прости!).

Но и на это вряд ли хватит силы,
Вся разошлась неведомо куда,
Ее и на полжизни не хватило,
Ведь время утекает, как вода.

А помнишь, в годы страсти юной, пылкой
Девчонок провожали допоздна
И от «битлов» балдели за бутылкой
Крепленого советского вина.

Бывало, куролесили на танцах,
И на гитарах яростно бренча,
Мы пели всенародные романсы,
Скандалили, судили сгоряча.

Куда тебя порой не заносило,
Чего ты только на душу не брал,
Потом судьба на паперть пригласила,
Когда ты дом свой в карты проиграл.

И вот теперь, спустя десятилетия,
Ты на исходе сумрачного дня
У магазина «Новое соцветье»,
Подставив кепку, смотришь сквозь меня.

Не узнаешь. А, может, не желаешь
Быть узанным – ну так тому и быть,
Когда без смысла век свой доживаешь,
Наверно, стоит многое забыть.

Я ухожу. Ты смотришь ошалело
На горсть купюр, зажатую в руке,
Ты прав, мой друг: кому какое дело,
Что кроется порой в чужой тоске.

И удаляясь улицей пустынной,
Привычным жестом запахнув пальто,
Я услышал ударившее в спину:
«Постой. Никак не вспомню я...

Ты кто?»

2003

**Колькина судьба
(народный сказ)**

Жил в селенье старом,
Где поля во ржи,
Некто Колька Таров,
Мировой мужик.

А в селе соседнем
Женщина жила,
В возрасте, так, среднем,
Но стройна, мила.

Все вязала, пила,
И не из дурех...
А село то было
Километрах в трех.

И, что слыло былью,
К женщине летел
Колька, как на крыльях,
Он ее хотел

Замуж взять. И даже
Кольца приобрел.
Вечером однажды
Поздно к ней побрел.

Сократил дорогу
Запоздалый гость —
Занесло в итоге
Прямо на погост.

Тихо. Темнотища.
Звезды да кресты.
А вокруг кладбища
Черные кусты.

Бледный месяц вышел.
Что ж, родной, веди...
За спиной вдруг слышно:
- Кореш, погоди.

Таров обернулся,
Лишь слегка вспотел,
Коротко ругнулся...
- Ну, чего хотел!

Сам он парень в силе,
Пристально глядит,
Видит: на могиле
Мужичок сидит.

Весь в лохмотьях, бледный,
Шапка набекрень.
Видно, очень бедный,
А работать лень.

Жалкое явленье.
Колька взгляд скосил,
В явном нетерпенье
Мужичка спросил:

- Что ты, рваный, мятый,
Ищешь у могил?

И зачем меня ты
Вдруг остановил?

Сам того не знаешь?
Ну, чего молчишь?
Может, ты страдаешь,
Иль о чем грустишь?

Бомж-то, оказалось,
Был не так уж прост.
- Посмотри, - сказал он, -
Как разбит погост.

Посмотри, что стало
И с твоим селом.
Ведь ему осталось
Лишь пойти на слом.

Люди сатанеют:
Деньги – их кумир,
Лишь сквозь них умеют
Видеть этот мир.

Радость в этом есть ли?
Коли жив – держись!
А подумать если -
Разве это жизнь?

Колька взбеленился,
Ну, «под хвост – вожжа»,
Да и напустился
На того бомжа:

- Люди строят, пашут,
Пилят, режут, гнут,
Рвутся в Думу нашу
Поднимать страну!

Все соображают,
Как разбогатеть,
Гениев рожают,
Надо – могут спеть.

За тебя ж обидно:
Зол ты на весь свет.
У тебя, как видно,
Страсти к жизни нет.

Нет в тебе азарта,
Хоть еще не стар.
Не продул ли в карты
Свой последний скарб?

Вот и травишь души
Людам и себе,
И пинаешь груши
Ты назло судьбе.

Незнакомец плавно
Приоткрыл глаза:
- Все? Ну, вот и славно...
А потом сказал:

- Я пахал бы, строил,
Возводил мосты,

Залатал бы кровли,
Починил кресты.

Мог бы даже в Думе
Проявлять азарт,
Если б я не умер
Много лет назад.

Коль не били б танки
В белый дом с моста,
Не везли б останки
В дальние места.

Не стреляй ты, дабы
Стало все, как есть,
Так меня тогда бы
И не встретил здесь.

И в потемках ночи
Знаменьем конца
Засверкали очи
Вдруг у мертвеца.

Колька закачался,
Вскрикнул, побежал,
Меж крестов помчался
Весь, как лист, дрожа.

Смерть свою почуяв,
Прошептать успел:
- Лучше б на мосту я
В танке не сидел.

Апрель

Я выхожу из дома в липкий снег,
Заполонивший хлопьями пространство,
Стремящийся проникнуть между век,
Настойчиво, с завидным постоянством.

Но этот снегопад – привет весны,
И потому совсем не раздражает.
Чуть в отдаленье зыбких три сосны
Природа в три мазка изображает.

А это значит, реже снег пошел.
И скоро станет ясно. Будут лужи.
Для нас, конечно, это хорошо,
Мороз в апреле явно был бы хуже.

И я иду, поднявши воротник.
Скривив гримасу, щурится прохожий.
Что ж, будь благословен, знакомый миг,
На все апрели Севера похожий.

2009

***

Тучи холодные плачут.
В сумерках видится мне:
Черные всадники скачут
По разоренной стране.

Выйдя из полога ночи,
Мчатся неистово так,
К седлам своим приторочив
Головы мертвых собак.

Прячься, случайный прохожий,
Всадники скоры на суд,
Если на них не похожий,
Бешеным вихрем снесут.

Кто они? Что они значат,
Тени без лиц, без имен? -
Гулко по улицам скачут
Призраки страшных времен.

2009

Боль

Эй,
раскисать
не сметь!

Это
еще
не смерть.

Крепче
стоять
изволь,

Это
всего лишь
боль.

Это
всего лишь
страх

В круглых
немых
глазах.

Это
всего лишь
ночь,

Сгинет –
и беды
прочь!

2009

Графика

Я в межсезонье
раньше
на юге не был.
Жизнь в эту пору
блекла,
но не грустна.
Зимнее море
кажется
частью неба,
Женщина в зимнем
кажется
частью сна.
Снег то растает,
то снова
несмело ляжет.
Волны уносят
рифму
моей строки.
Серых крикливых
чаек
на белом пляже
Женщина в черном
кормит
почти с руки.

2009

День Победы

В орденах и солдатских погонах -
Самый памятный праздник весны.
И, как прежде, шагают в колоннах
Ветераны далекой войны.

Их в Сургуте осталось немного –
Победителей славный отряд.
Вся в цветах и знаменах дорога,
И медали на солнце горят.

2005

Провинциалка

Она глядит в окно на старый дом,
На ямы и колдобины дороги
И с отвращеньем думает о том,
Что здесь она состарится в итоге.

В их городке давно стоит завод,
Что сделалось приметой постоянства,
И, кто на здешних улицах живет,
Впадает в поглощающее пьянство.

А светлой перспективы просто нет.
Вся жизнь пройдет на грядках жалкой сотки...
Но зеркало, роняя зыбкий свет,
Рождает образ девочки-красотки.

И, обнажив изящный абрис плеч,
Она вставляет в волосы заколку.
Такая может всякого завлечь.
Как хороша! Пленительна! А толку?

Ведь красота дана, как Божий дар,
Не только для того, чтоб любоваться.
В конце концов, на свете все – товар,
Что может хоть за сколько продаваться.

Туманят разум мысли день-деньской
И манят в лучезарную столицу –
Там можно заработать на Тверской
И, как мечтала, съездить за границу.

... И в сердце жар, и кругом голова,
А по ночам, заманивая, снится
Тщеславная, вальяжная Москва –
Царица вымирающих провинций.

Вот из нее пришла благая весть.
Прощайте, униженье и лишенья!
Нет, можно передумать – время есть,
Но принято последнее решенье.

«В Москву! В Москву!» - выводит стук колес,
И жизни перевернута страничка.
В Москву! В Москву! – Не надо глупых слез –
Ее навек увозит электричка.

2005

Холодное утро

Березе прохладно,
от ветра
качается крона.
В ветвях, балансируя,
крылья
топорщит ворона.
И желтые листья
спадают
с древесной вершины
На кузов моей
полусонной,
холодной машины.
Над крышами птицы
стремятся
к урочищам юга,
Где сотни людей
накануне
убили друг друга.

2005

Город поэтов

Нет счета зданьям, стройным их рядам.
Рекламы блеск. Миганье светофоров.
Нет, этот город даст, пожалуй, фору
Всем остальным приобским городам.

Особенно в строительстве дорог.
Текут автомобильные потоки.
Поэтам ритм дорог диктует строки.
Понятно: как поэтам быть без строк?

И даже дым из труб гигантской ГРЭС
Кому-то навевает вдохновенье.
Такой пейзаж – не чудное мгновенье,
Но в этом дыме теплится прогресс.

Темнеет за рекой. Вот город стих,
Вплывая в сон до скорого рассвета,
Но в нем не спят упрямые поэты,
Рождая о Сургуте новый стих.

2006

Посадка

Когда самолет подлетает к Сургуту
Пространство взрывается блеском огней.
Здесь долги снега, лют мороз, но кому-то
Наш город всех прочих сегодня родней.

Уже под крылом громоздятся кварталы,
Все выше взметаются крыши домов.
Вот кранов громады склонились устало,
Над Обью, забывшейся в мареве снов.

Огни разноцветные светятся всюду
Ты в памяти этот момент сбереги.
Ну, здравствуй, людьми сотворенное чудо
Среди бесконечных просторов тайги!

2006

Под Сургутом

Город над соснами виден вдали.
Окна горят от заката.
Что по Оби не плывут корабли,
Только зима виновата.

Всюду равнина, бела и пуста,
Снежную веет тоскою.
Ветер играет на арфе моста
Над задремавшей рекою.

2006

***

Гляну вдаль. Все мне кажется, будто
Над тайгой развернулся мираж.
Каждый день новостройки Сургута
Вырастают на новый этаж.

Зеленеют повсюду бульвары,
А на клумбах пестреют цветы.
И гуляют влюбленные пары
В гулком шуме людской суеты.

Сургутян поглощают заботы,
И стремглав пролетают года.
Кто приехал на год, заработать,
Не спешит уезжать никуда.

2006

Содержание

«По жизни дороги нелегкие водят...»	
Гудит метель полночной порой.....	9
«Чем-то опечаленные ивы...».....	10
Зимнее.....	11
Прощальное.....	12
Осенняя песня.....	13
Вороны.....	14
Жилище.....	15
Беговой лошади.....	16
«Сорвался снег. Февральский вечер...».....	17
Ожидание.....	18
Возвращение.....	19
«Терялся сердца частый стук...».....	20
«Ни тоски, ни молвы не боялась...».....	21
«Ты так загадочно молчала...».....	22
Печальное.....	23
Поворот.....	24
Новогоднее.....	26
Гроза в степи.....	28
Живопись.....	29
Последний патрон.....	30
Старый фонарь.....	32
«Вейте, ветры, тише...».....	34
О космических объектах.....	35
Железнодорожное.....	36
«То светит солнце в миллион свечей...».....	37
Бродяга.....	38
«По жизни дороги нелегкие водят...».....	39
Шарманщик.....	40
«Пусть каждый день тугой пружиной сжат...».....	41
В музее.....	42
Жребий.....	43
Письмо.....	44
Весна.....	45
Старая пластинка.....	46
Осеннее.....	47
Бомба.....	48
Скачки.....	50
«Да, кончилось годов моих раздолье...».....	51
«Дни беспросветные. Игры без правил...».....	52
Кремль.....	53
Об ушедшем.....	54
«С годами обрастаем оболочкой...».....	56
Призрак.....	57
Сон в дороге.....	58
Натюрморты.....	59

Утро.....	60
«Висит гитара на стене...».....	61
Воспоминание.....	62
«Настольная лампа. Сплошной абажур...».....	63
Водоворот.....	64
Тупик.....	65
«Куда ни кинь – все черный клин...».....	66
«Мне кажется, что я здесь раньше был...».....	68
«Спешил. Бежал. Мелькали лица...».....	69
Йети.....	70
«Я избитой тайгой иду...».....	71
«Когда последний меркнет свет...».....	72
«Мы мимо попранных святынь...».....	73
Ослик.....	74
Отъезд.....	75

«На полотне холодного простора...»

«Коснулся мыслей ветер перемен...».....	78
Девяностому году.....	79
Скрипач.....	80
В пути.....	81
«Сколько ж нам учиться, чтобы видеть...».....	82
«Давайте покричим о чем-нибудь...».....	83
Девяносто первому году.....	84
Экология.....	85
«Окно приотворю: так воздух свеж...».....	86
Лесное скерцо.....	87
«Шепчущий ход будильника...».....	88
Одиночество.....	90
Весна в Сургуте.....	91
Летний вечер.....	92
Видение.....	93
С холма.....	94
«Мы все поселимся на юге...».....	95
«Сквозь декабрьские метели...».....	96
Ночная птица.....	98
«Отблеск заката погаснуть не хочет...».....	99
«Свет фонарей в окно сквозит немножко...».....	100
«Куда улетают халеи...».....	101
«И ночь прожить – не поле перейти...».....	102
«Поднимаюсь я бодро в дремотную рань...».....	103
«Ускорилось вращение Земли...».....	104
У Ван Гога.....	105
Память о Париже.....	106
На Монмартре.....	107
Селенит.....	108
В Копенгагене.....	109
Эскиз.....	110

«Сегодня украли даже луну...».....	111
В Стокгольме.....	112
В тундре.....	113
В Хельсинки.....	114
Предутреннее.....	115
Апрельская акварель.....	116
У Сибелиуса.....	117
У фонтана.....	118
Поздняя.....	119
На вокзале.....	120
«Свою звезду на темном небосводе...».....	121
Этюд облаков.....	122
«Вечер солнце закатил...».....	123
«Сколько написали вы, поэты!...».....	124
Сон Дали.....	125
Сургутской Авроре.....	126
«Днем весенним, белым-белым...».....	127
Зима в Лянторе.....	128
Метель.....	129
Морозной ночью.....	130
На рыбалке.....	131
Белая ночь.....	132
На Югане.....	133
Освоители.....	134
Ранней весной.....	135
Раздумье.....	136
Церковь.....	137
Я сегодня отчетливо слышу.....	138
Драма.....	139
Бабочка.....	140
Сумерки.....	141
Охота на собак.....	142
Времена года.....	144
Лето.....	146
Осень на Тром-Агане.....	147
«По равнине белой тянутся...».....	148
«Полная луна царит над миром...».....	149
Погоп.....	150
В парке.....	151
Встреча в горах.....	152
«Серп, закатом обожженный...».....	153
«Еще горят на храме купола...»	
Закат.....	156
«Меняя облик матери-Земли...».....	157
Буря.....	158
«Еще горят на храме купола...».....	159
Урман.....	160

«Жизнь порой неистово любила...».....	161
«Уходит век. В разгромленной стране...».....	162
«Свет сочился тихо, мерно...».....	163
«Тихий вечер января...».....	164
Приобская ночь.....	165
«Грейдер счищает снег...».....	166
«В моем доме, в погребке...».....	167
Напутствие.....	168
«За чисто вымытым окошком...».....	169
За час до рассвета.....	170
Бессонница.....	171
«Сквозь день весенний ты бредешь...».....	172
Тоска.....	173
«Жизнь приземленная, убогая...».....	174
Предчувствие.....	175
Аллегория.....	176
Настроение.....	177
Сказка теней.....	178
В Каталонии.....	179
Девушка и смерть.....	180
Летом.....	182
Непогода.....	183
Встреча.....	184
Колькина судьба.....	186
Боль.....	193
Графика.....	194
День Победы.....	195
Провинциалка.....	196
Холодное утро.....	198
Город поэтов.....	199
Посадка.....	200
Под Сургутом.....	201
«Гляну вдаль. Все мне кажется, будто...».....	202

По вопросам сотрудничества с издательством ЭПОХА
обращаться по адресу: 129110, г. Москва, проспект Мира, 101, 5-й этаж

Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

СЕРГЕЕВ Дмитрий Алексеевич

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Сборник стихотворений

Генеральный директор издательства
Владимир Стригунов

Художник А. Кухтерин
Редактор Р. Журавлева
Компьютерная верстка Я. Петрова
Корректор М. Цветкова

Издательство ЭПОХА
129110, г. Москва, проспект Мира, 101, 5-й этаж
www.epoch-media.ru

Подписано в печать 01.09.2006 г.
Формат 84x108/32. Гарнитура «Times New Roman».
Бумага офсетная «Котлас». Объем 6,5 п. л., 10,92 усл. п. л.
Тираж 1000. Заказ №2364.

Отпечатано в ОАО «Типография «Новости».
105005, г. Москва, ул. Фридриха Энгельса, д. 46.

Faint, illegible text at the top of the page, possibly a header or title.

Second block of faint, illegible text, appearing as several lines of a list or document.

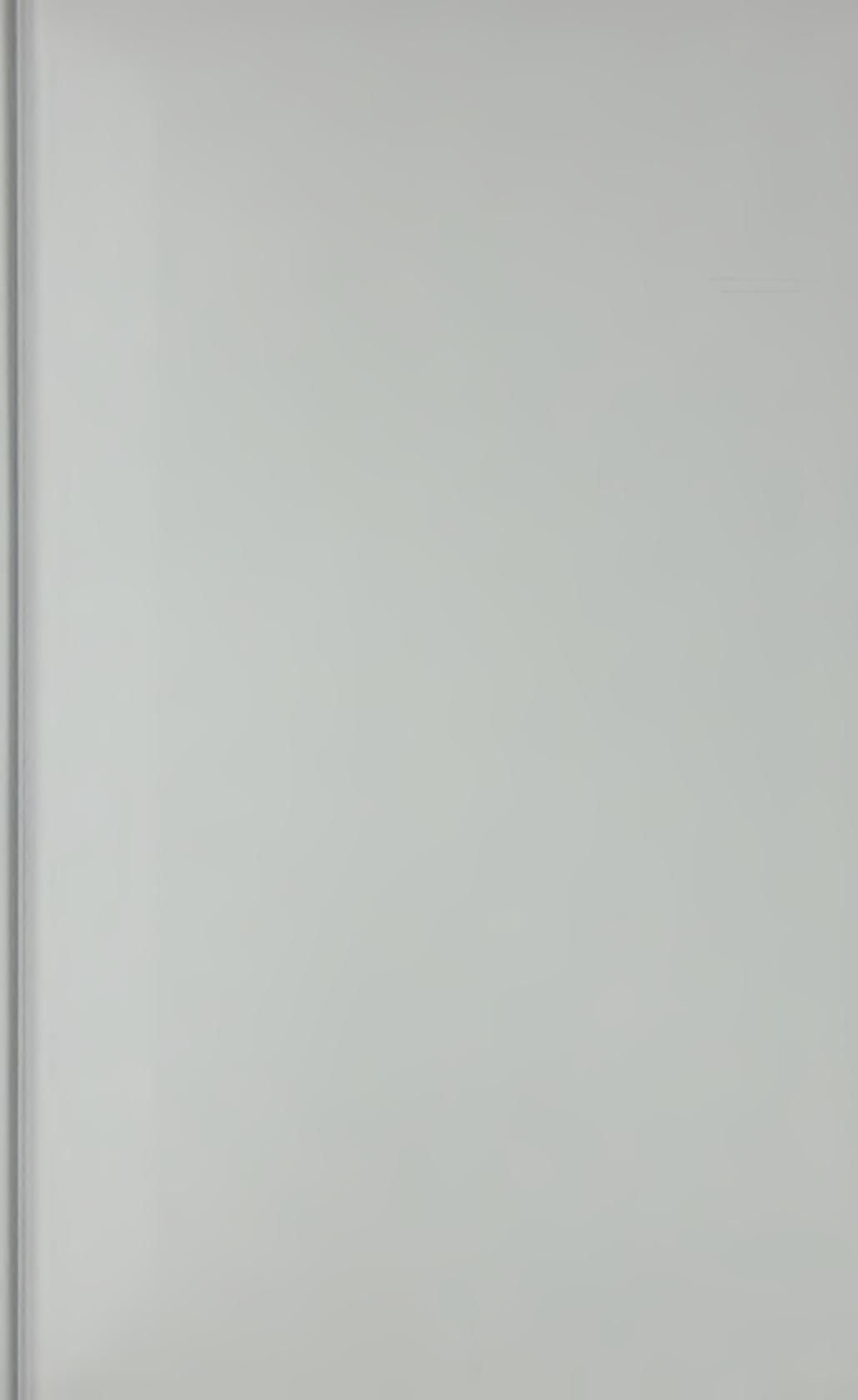
Third block of faint, illegible text, continuing the list or document.

Fourth block of faint, illegible text, possibly a section separator.

Fifth block of faint, illegible text, continuing the list or document.

Sixth block of faint, illegible text, possibly a section separator.

Seventh block of faint, illegible text, continuing the list or document.

036552014

Государственная библиотека Югры

Дмитрий Сергеев удивительно постоянен в творческих исканиях. Он продолжает поэтически осваивать Северный край в свете традиционной натурфилософской линии, начатой русскими любомудрами еще в 1820-е годы. Он не боится разрабатывать, казалось бы, простые жанры нашей повествовательной лирики: дружеское послание, эгегическую миниатюру по случаю погодных перемен, застольное великолепие и законный пейзаж. В его глазах имеют неповторимую цену бытовые зарисовки, креативная рефлексия на простые жизненные ситуации на теплоходе и на вокзале, на улице и на работе.

Оригинальный стиль Д. Сергеева способствует преодолению распространенных сейчас мотивов, когда «души и умы не согревает жизни нашей проза». Его поэзия естественна, как дыхание не разорванного черными страстями человека, она бескорыстно и ежеминутно служит проводником добра.

Словно Улисс XXI-го века, югорский поэт прокладывает новый лирический фарватер между Сицилией - символом развернувшейся духовно-нравственной катастрофы - и Харибдой потребительского хищнического общества. Он поднимает свои алые паруса вопреки наступающей тьме, посылая нам сигнал, что готов вести лирический корабль нашего нелегкого времени в поиске новой реки, чьи воды еще не утратили способность к самоочищению.

Владимир Рогачев,
кандидат филологических наук.

(Статья «После рассвета».

Литературно-художественный альманах «Сургут», №2, 2005 г., стр. 225-226, 229.)

Дмитрий Сергеев - опытный журналист, прозаик, умеющий мысль оформить в слово. Но колы потянуло его к стихам, значит, понял единственность именно поэтического образа, не перелагаемого прозой, не пересказываемого. Он ищет и нередко находит эту единственность...

Натурфилософская созерцательность Дмитрия Сергеева, особенно явленная в его пейзажных стихах, счастливо соседствует у него с балладно-сюжетной организацией стихотворения. Я имею в виду такие стихотворения, как «Последний патрон», «Бомба», «Я в детстве видел: старый инвалид...», «Беговой лошади», и др. В них не рассказ, а мысль, ее движение и организует сюжет...

И еще одно качество стихов Сергеева хочу отметить: он не кричит. Нет, поэт не избегает проблемы дня, но отходит от крикливой злобы дня. Он рассудителен, ироничен, саркастичен. Но нет зла в его стихах. Есть боль. Есть общая беда...

Философичность стиха Дмитрия Сергеева не может не бросаться в глаза. Она от раздумчивости, а точнее, от приглашения вдуматься подчас в самое заурядное, новседневное, привычное. Вглядеться в течение жизни.

Юрий Мешков,
доктор филологических наук, профессор,
член Союза писателей России.

(Из книги Ю.А. Мешкова «О поэтах хороших и разных», Екатеринбург, «Сократ», 2000 г., стр. 222, 223.)

Дмитрий Алексеевич Сергеев